

Ольга Валериевна Колпакова
Бесконечность и дальше

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23268253
«Бесконечность и дальше / О. Колпакова; художник С. Прокопенко»: Генри Пушель;
Екатеринбург; 2016
ISBN 978-5-905672-29-3

Аннотация

Наверное, любой первоклассник хотел бы попасть к такой учительнице... К такой, с которой можно отделять свет от тьмы, сотворить землю и всё, что на ней. С которой на каждом уроке совершается открытие целого мира. Впрочем, и от программы ребята не отстанут. Почему I мы называет Один, Раз, Первый, а никак не по-другому? Отчего первая буква азбуки – Аз? Куда могут пропадать буквы? Повесть-сказка «Бесконечность и далее» очень необычная. Она про школу и знания, но про такие, о которых на обычных уроках обычно не успевают поговорить. Она про мир, который взрослые приготовили для детей – но в нём столько опасного и вредного, что неплохо было бы его переделать. Возможно, поколение, которое поймёт основы мира, сможет это сделать.

Бесконечность и дальше

- © О. В. Колпакова, текст, 2016
- © С. В. Прокопенко, иллюстрации, 2016
- © Генри Пушель, макет, издание, 2016

* * *

Моим родителям и всем любимым учителям.

Автор

Совершенно ненаучный учебник для начальной и средней школы про буквы и цифры и немного про мир, не разрешённый ни одним министерством образования.

*Сказка - рассказ с чего?
С аза, с истины, причём
самолично виденной.*

Радий Погодин

Глава первая. Кто присмотрит за мамой

– Только никогда не открывайте лаборантскую! – сказала завуч, распахнув дверь в светлый, только что отремонтированный кабинет. На двери заботливой завхозной рукой была прибита новенькая табличка «1 класс».

– Там, наверное, томятся учителя, не прошедшие аттестацию? – пошутила Милена и поискала глазами лаборантскую. Впрочем, какую лаборантскую? Учителю начальных классов она не положена. Завуч кивнула на большую физическую карту мира и протянула ключ.

– Маскируем от министра, – пояснила она. – Теперь вы отвечаете за кабинет. Вот ключи. Под личную ответственность.

Завуч вышла. Но если бы место, где она стояла, сфотографировать, то в кадре проявился бы чёрный костюм, толстая оправа очков и туфли на широких, устойчивых

каблуках – такое всё было неповоротливое, тяжёлое. Милене показалось, что вещи с трудом успевают перемещаться за хозяйкой.

Новая учительница подождала, пока призрак строгого костюма не выйдет за дверь, и ещё раз обвела кабинет взглядом.

На подоконниках не было ни одного цветка. На полках – ни одной книги. Кроме карты стену украшал плакат, оставшийся, пожалуй, со времен первых советских школ: девочка в коричневом платье и чёрном фартуке показывает, как нужно правильно сидеть. Милена села за учительский стол, сложила руки и выпрямилась, как на рисунке. Старательно держа спину, она достала из сумки конверты и принялась их подписывать.

Через десять минут завуч неожиданно вернулась. Здесь призрак её очков оказался весьма расторопным. Он появился в дверях на десять секунд раньше всего остального.

Милена в это время сидела на полу.

– Всё нормально? – нисколько не удивлённо спросила завуч.

– Да, – подняв голову, ответила учительница. – На полу рисовать гораздо удобнее!

И она продолжила раскрашивать конверты.

– Хм, – ответила завуч, – если так дальше дело пойдёт... ну, тогда я не знаю... Может, что и получится, – неожиданно закончила она.

Никто не знал, что из этого выйдет. Только я догадывалась – это будет ЧТО-ТО! Потому что моя мама – не просто учительница. Вернее, она совсем не учительница. Она, понимаете ли, волшебница. Такая вот в нашей семье особенность – мама-волшебница. Но хотя бы с папой мне повезло, он – обычный дизайнер. Дизайнер – это тот, кто придумывает вещам новую форму. А потом в эту форму набивается подходящее содержание. Как-то само собой набивается. Иногда совсем не то, которое нужно заказчику. Поэтому не все заказчики платят папе деньги. Некоторые просто громко ругаются. Ещё папа знает, как красиво расставить мебель и какие обои лучше для детской. Папа выбрал мне обои с зелёными листьями. Зелёный цвет должен успокаивать глаза – так написано в интернете. Но я заметила, что, когда у меня плохое настроение, листья слегка вянут. А если хорошее, они начинают кружиться. Если выбрать какой-то листочек между кроватью и полкой, а потом закрыть глаза и чему-нибудь порадоваться, его не окажется на месте! Но это уже не папа устроил, а, как я подозреваю, мама.

Конечно, в то, что бывают мамы-волшебницы, никто не верит. Мама в это тоже не верит. Милена – так зовут мою маму – говорит, что она ничего особенного не делает и так могут все. Мы с папой пробовали. Единственное, что у нас получалось – наколдовать, чтобы троллейбус побыстрее приезжал к остановке. Да и то не всегда. Поэтому папа решил купить машину. Теперь по утрам он колдует, чтобы она завелась. Увы, тоже не всегда получается. Вообще-то нам больше нравится ездить на велосипедах или роликах. Но на Урале для этого нет дорог и подходящей погоды. Папа время от времени пытается придумать специальный уральский велосипед: безопасный и чтобы от дождя и грязи защищал. Почему-то у него выходит только танк с педалями.

Пока я была маленькая, мама сидела со мной дома. Я за мамой присматривала. Но в этом году я должна пойти в школу. Мы с папой собрались на кухне и стали совещаться:

– Как мы можем оставить маму дома одну, пока ты в школе, а я на работе? – открыл наше заседание папа.

Мама тоже умеет придумывать разные необычные вещи. Например, у меня как-то была детская-аквариум. Хорошо, что я к тому времени уже умела плавать. Когда в моей детской сама собой завелась акула, пришлось отказаться от этой идеи. На память о комнате-аквариуме у меня осталась только небольшая морская черепаха, а у соседей – подвесной потолок.

– Что ты! – не согласился папа брать маму с собой на работу. – Я думаю над серьёзным и очень большим проектом. Разрабатываю новый дизайн для знаменитой табачной фабрики. Никакого волшебства! Вспомни, как мама пыталась устроиться на метеорологическую станцию.

Про разноцветный снег я помнила. Экологи после этого долго кричали разные

нехорошие слова под окнами химического завода. Хотя снег был чистый, просто разноцветный, из снежинок в виде маленьких цветочков. Но последнего никто не заметил.

Папа вздохнул. Наверное, вспомнил и про дождь с монетами времён Ивана Грозного. Это мама устроила на День историка. Подарок такой возле университета. Драка из-за монет была, как на День воздушно-десантных и ракетных войск вместе взятых.

– Остаётся либо мне не ходить в школу, либо вам родить кого-нибудь ещё, чтобы мама была под присмотром, – опять предложила я.

– Думаешь, кроме тебя, кто-то согласится родиться в нашей семье? – усомнился папа.

Мы печально вздохнули. И тут пришла мама. Она ходила относить мои документы в школу.

– Представьте, учительница, которой отдали наш класс, неожиданно вышла замуж и уехала в... в... – Милена на секунду задумалась, словно решая, куда лучше определить бывшую учительницу, и ласково закончила, – в Средиземье...

– В Средиземноморье, – быстро поправил папа. – На Крит, например.

Мама кивнула: пусть отправляется, куда только захочет.

– У неё муж оказался путешественник, – как-то немножко виновато продолжила она. – А мне в школе понравилось. Я решила заменить её... На время. Пока Лада учится в начальных классах...

– Ты будешь моей учительницей?! – радостно воскликнула я. – Какой кошмар!

– Зато за мамой будут присматривать сразу двадцать три человека, – обрадовался и папа.

– Ещё весь педколлектив и лично министр образования, – добавила мама. – И родители моих новеньких учеников.

Мама протянула мне конверт с разноцветными рожицами, буквами и цифрами. Там лежал пригласительный билет. Меня приглашали в первый класс.

Вечером мы отгладили банты, а утром купили букет и пошли в школу. Вокруг моего букета всё время кружилась бабочка. Было воскресенье.

Глава вторая. Первое сентября, или Букеты с колбасой

Все мои одноклассники пришли с букетами. Только Света Солянкина принесла палку колбасы.

– Учителям зарплату платят маленькую, им колбаса нужнее, чем цветы, – объяснила она. – Если учитель будет сытый, он будет добрый. А добрый будет пятёрки больше ставить.

– Ну и зачем мне это надо? – пожал плечами мальчик, которого звали Вадик.

Но нам всем захотелось пятёрок и сытого, доброго учителя.

– Давайте будем учителей по очереди кормить, как в древности пастухов, мне бабушка рассказывала, – предложила Рая. Все на Раю посмотрели и подумали, что, должно быть, бабушка у Раи очень старенькая. Теперь, наверное, пастухов и не бывает.

Поздравить нас пришли строгая завуч и директор школы. Директор был маленький и худенький.

– Дорогие мои! – сказал директор и вытер платком глаза. – На вас вся надежда!

И тогда мы поняли, что Рая права, учителей необходимо получше кормить.

– С ним, с директором, надо быть осторожным, – шепнула Ирина. – Он очень хрупко выглядит.

Света вздохнула и подарила ему колбасу. Директор обнял нас по одному и ушёл в свой кабинет. Колбасу он держал за хвостик, и казалось, что она сама бежит за новым хозяином, радостно подпрыгивая.

Мы нетерпеливо возились за партами, готовились получать отметки.

– В первый год обучения оценки не выставляются, – сказала учительница. – Мы будем просто привыкать к школе, обустраивать всё вокруг. Родители дали нам тысячу рублей. Что будем покупать, чтобы нам радостней училось?

– Обучающие пособия и научные энциклопедии, – сказал Юра. Все на него посмотрели и поняли, что Юра собирается быть отличником.

– Ковёр, – предложила Мириам. – Персидский. На нём удобно играть. Или газон.

Мы перевели взгляды на Мириам и захотели поиграть прямо сейчас. Миша достал машинку и стал катать её по коленке.

– Ура! Я придумал! – закричал Слава. – Давайте в зоопарк пойдём!

– Или на море полетим, – сказала Тоня.

– Только на самолёте лететь страшно, – добавила Таня, её сестра.

А Настя вскочила и затараторила:

– У меня есть знакомый, он на самолёте летел, а к ним инопланетяне прицепились и затянули самолёт на другую планету. Все пассажиры с парашютами начали прыгать. А ему парашюта не хватило, и он просто так прыгал и зуб выбил. Теперь без зуба ходит.

Мы потрогали во рту, у кого где зуба не хватает. Но это, конечно, было совсем не то. Мы решили потом пойти посмотреть на Настиного знакомого.

– Вы что! Денег-то очень мало, – напомнила нам Нора, – на самолёт с парашютом не хватит.

– Тогда мороженое можно купить, – предложила Света Солянкина, и все с ней сразу же согласились. Потому что непонятно ещё, помогут ли нам пособия и ковёр. А мороженое всегда делает учёбу радостней.

Милена взяла с собой двух мальчиков, Григория и Колю. Они пошли на улицу и купили в киоске мороженое. А ещё двадцать три цветочных горшка. И портреты для украшения класса. Я не знаю, как у мамы всегда получается за мало денег покупать целый воз всего. Она говорит, что просто нужно долго тренироваться.

Мы в это время тоже без дела не сидели. Поставили парты около стен, а середину класса освободили. Хотя ковра и не было, но всё равно играть так было удобней.

– Вы что, надо сначала у Милены Зоревны спросить, а то вдруг она заругается, что мы всё переставили? – забеспокоилась Нора. И все на неё посмотрели и подумали, что Нора может быть ябедой. Но зря так подумали. Она просто была очень осторожная. Нора даже ходила на цыпочках. Чтобы не наступить на кого-нибудь нечаянно. На муравья, например, или на Мишу, который уже по полу машинку катал.

– Мама никогда не ругается, – сказала я, и все обрадовались.

– У меня тоже папка не ругается, – сказал Артём. – Он сразу подзатыльник даёт.

Артём хотел показать, как это происходит, и искал – на ком, но Милена с мальчишками уже вернулись. Они несли горшки, составленные один в другой. Эти башни были почти до потолка. В каждом горшке лежало по мороженке. Мы бросились скорее разбирать мороженое, чтобы им не так тяжело было держать.

Когда мы съели мороженое и расставили букеты, все подоконники у нас оказались в цветах. На учительском столе и возле доски тоже стояли цветы.

– Красиво. Как на похоронах, – тихо сказала Марина. И мы подумали, что, наверное, у Марины кто-нибудь недавно умер. Дане стало ужасно жалко Марину, и она заплакала.

– Ещё на свадьбах так бывает. И на днях рождения, – добавила я, потому что мне не понравилось про то, что будто бы у нас как бы похороны. Хотя некоторые родители на торжественной линейке тоже плакали, словно расстаются с детьми навсегда, а не до 12:15. Или до 15:00, если с продлёнкой.

Милена рассказала про продлёнку. Про то, какие будут уроки. Например, чтение. Математика. Родной язык. Знакомство с окружающим миром. Физическая культура. Экономика. И мне тоже стало казаться, что всё же на похороны больше похоже, чем на день рождения. Неужели нельзя как-нибудь по-человечески назвать: не физическая культура, а бегалки и прыгалки. Не математика, а тайны высших миров. Не чтение, а сказочное путешествие.

– А теперь – домашнее задание, – сказала учительница, когда мы переименовали уроки. – Принесите завтра в школу землю. Будем высаживать цветы.

Даня опять заплакала, потому что не знала, как ей прорыть асфальт, чтобы набрать земли. Тогда ей поручили принести маленькую леечку.

– А по высшим мирам что сделать? – спросил Юра. А потом поднял руку. Это ему родители рассказывали, что нужно поднимать руку, когда хочешь на уроке что-то сказать, и он сейчас про это вспомнил.

Милена открыла министерскую методичку, где было написано, чему нужно научить первоклашек.

– Завтра мы должны будем учить число «один»...

Все засмеялись и закричали, не поднимая рук:

– Это же для малышей! Мы знаем, знаем эту цифру!

– Хорошо, – кивнула учительница. – Тогда будем учить число «раз». Нарисуйте его на альбомных листах. Кто как хочет. И ещё выучим букву А. Её тоже нарисуйте.

– А у меня есть один знакомый мальчик из пятого класса, – к чему-то сказала Настя, – так он сидел с поднятой рукой шесть уроков. А его всё не спрашивали и не спрашивали. И рука у него так и засохла. Он теперь всегда ходит с поднятой рукой. Это очень неудобно. Потому что его вызывают отвечать, даже когда он ничего не выучил.

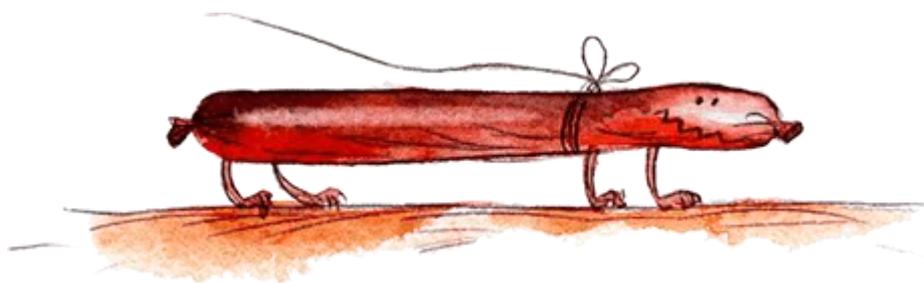
Мы решили на перемене сходить посмотреть на этого бедолагу.

Потом мы изобразили на доске наше сегодняшнее настроение. Оно было хорошее: вся доска в смешных рожицах. А Света даже нарисовала колбасу, которую подарила директору, и приделала к ней ножки и улыбку с острыми зубками. Колбаса была немножко похожа на таксу, которая охраняла хрупкого директора.

Прозвенел звонок. Милена повела нас на первый этаж, к раздевалке, где вдоль стены выстроились родители. Даже мой папа пришёл нас встречать. Он спросил меня одними глазами, мол: всё нормально? И я одними глазами ответила, что очень хорошо. Мама пока ничего не натворила. Портреты, правда, купила необычные. Деда Мороза, Пеппи Длинныйчулок. Учёных, конечно, тоже купила. Но каких-то смешных учёных. Один даже язык показывал.

Папа мне улыбнулся усами. А я большой палец показала. Потому что глазами и руками я разговаривать умею, а усами ещё нет.

Мы пошли домой. Школа – строгая, как завуч, смотрела нам в спину окнами в тяжёлой оправе. Но в каждом окне прыгал солнечный зайчик.

Глава третья, а день первый. Бог Раз и красная А, а также отделение света от тьмы

Урок первый

Почему число один называется Один? Ведь можно было назвать его, например, Восемь. Тогда бы мы считали так: восемь, два, три... Кто это так придумал? Ещё у Одного (или у Одина?) есть женское имя – Единица. А если эту единицу поставят в дневник, то говорят: «Кол вlepили!». Есть у числа Один и прозвище – Раз: раз, два, три, четыре пять, вышел зайчик погулять... Когда нужно сказать, что кто-то стоит в начале, мы говорим: Первый, хотя правильной было бы: Одинный или Разный.

Учительница развесила на доске наше домашнее задание: рисунки с цифрой и буквой.

– Единица – это очень необычное число, – сказала Милена. – Потому что оно всегда что-то одно и целое.

– Грустное очень число эта единица, – сказала Тоня. – Одно-одинёшенько, отдельно от всех.

И мы посмотрели на Вадика. Он свою парту не стал к стене сдвигать, так и остался посередине класса.

– В древности говорили: «ед ин», что и означало примерно – «вон этот, отдельный, иной». Или говорили: «од-вин». Это значит: «от него». То есть считать нужно от него, от первого. Слово «один» у некоторых народов походило на слово «солнце», ведь солнце всегда одно!

Мы смотрели на свои разноцветные единицы. Раскрашены они по-разному, но всё равно это была одна палочка. Самое простое, что можно начертить: маленькая палочка. Или один острый уголок – 1 – где одна сторона длинная, а другая коротенькая. Мы написали в тетрадках цифру ОДИН – солнечный лучик.

– Теперь посмотрите на первую букву азбуки. Она большая и очень красивая. Давайте её... споём.

И мы стали петь А. Это была яркая, красная буква. И пелась она здорово, что даже уборщица тётя Надя заглянула, проверила, всё ли у нас нормально, не режет ли нас кто.

– Двести с лишним лет назад, – сказала Милена, когда мы напелись, – на Руси не писали цифру 1. Числа записывали не цифрами, а обычными буквами. Было вполне достаточно А. Потому что А и была единицей. Чтобы не перепутать «А» это написано или «1», над буквой ставили чёрточку. Чёрточка называется «титло». Есть такое слово: титул. Это значит – «почётное звание». Так что некоторые буквы особенные – они ещё и цифры. В Древней Руси был такой учебник про цифры. Назывался «Цифирь». Там-то и писали, какая буква какому числу равна. А книга, где писались буквы, называлась «Буквица».

Мы попытались написать букву А в тетрадках.

– У меня ручка сломалась... – дрожащим голосом сказала Даня.

– И у меня не пишет...

– И у меня... – раздалось с разных парт.

Я достала фломастер и попробовала написать А. Но он вдруг потёк: на чистом листочке получилась клякса, которая напоминала причёску учёного по фамилии Эйнштейн, а вовсе не

А.

Милена взяла мел и начала выводить А на доске. Мел лишь царапал доску!

– Та-а-ак, – сказала я, потому что всё это было слишком подозрительно.

– Всё понятно, – кивнула учительница. – Буква А обиделась. Она не хочет с нами дружить.

– Почему это? – удивилась Ирина. – Мы же хорошие.

Милена ещё немного посмотрела на А, которую мы рисовали дома, словно ждала, когда буква объяснит, почему она не хочет с нами дружить.

– Представьте, что ваш друг зовёт вас не по имени, а вот так: «Эй! Ты!». Вам понравится?

– Какая разница, – сказал Вадик. – Мне всё равно!

Но остальные, конечно, сказали, что всё между собой не может быть равно. Ирина – это не Марина, а Нора – не Лада. И вообще – это невежливо. Нужно друг друга звать по имени, или по имени и отчеству, или уж хотя бы по весёлому прозвищу.

– Вот и А не откликается. Мы не назвали её по имени! – подвела итог Милена.

– А она и есть А, – удивились мы. – Обычный звук.

Милена огорчённо посмотрела на нас. Она умеет так смотреть. Словно мы её обидели: обещали шоколадку, а дали луковицу.

– Кто-то заколдовал букву А, – грустно сказала она. – Отнял у неё имя.

– Где он, этот колдун? – закричал Артём. – Надо в лоб ему дать, чтобы не воровал чужие имена.

– А без драки не получится узнать, как называется А? – испуганно спросила Нора.

Милена достала большой плакат, на котором были написаны все буквы по порядку.
 – Что это? – спросила она.
 – Алфавит, – ответили мы почти хором.
 – Нет, алфавит – это в Греции, там первая буква называется «альфа», затем идёт «вита».
 А мы говорим на другом языке.
 Мы принялись вспоминать наш другой язык, на котором мы говорим. И вспомнили! Это АЗбука называется! Аз – вот она! Вот как зовут первую букву!
 Буква А на доске качнулась, покраснела от удовольствия и словно поклонилась. Мы потёрли глаза.
 – Быстрее, быстрее пишем её в тетрадках! – закричала Милена. И мы быстро написали,

а потом спросили, что за странное имя Аз? Что оно означает?

– Слово «аз» значит – «я» или «человек», – объяснила Милена, показав на себя пальцем. – Например, можно сказать: Аз – Милена. Это значит, я – Милена. Ещё Аз – это начало, первый, главный. Есть такое выражение: АЗбучные истины – то есть самые первые, самые основные. Говорят: начнём с АЗов – с самого начала.

– Это на каком языке? – спросил Тихон.

– На том самом, на котором мы сейчас с вами разговариваем. Но кто-то заколдовал Аз, превратил её в непонятную А, которая ну ничегошеньки теперь не значит. В русском языке даже нет слов, которые начинаются с этой буквы, кроме «Азбука», «аз» и всяких там: «ах», «ага» и «авось».

Тут мы как опять принялись кричать про арбуз и аиста, про Америку и апельсины... Кто-то даже сказал: «Арехи» и «Астарожно».

Но эти слова вылетали в форточку и отправлялись в свои края – все они оказались из других языков.

– Вместо «Аз», – продолжила Милена, – все стали говорить «Яз», а потом и просто «Я». Эту букву поставили в самый конец. Чтобы никто не зазнавался. Поэтому говорят – не якай, «Я» – последняя буква алфавита... А на самом деле раньше «аз» – «я» – была первой.

– Я знаю, кто этот злодей! – закричал Слава. – Это министр по буквам!

Мы тоже закричали и даже собрались написать этому министру письмо, когда выучим все буквы.

– А чё он вообще раскомандовался! – закричал Артём. – Самый главный, что ли?

Тут мы принялись обсуждать, кто на свете самый главный. Одни говорили, что президент, другие – что его жена, третьи – что природа всё равно главнее, ведь даже президент не сможет землетрясению приказать остановиться. Рая сказала, что её бабушка говорила: главнее всех Бог, ведь это он всю природу придумал, а значит, и людей тоже, а значит, и буквы. Про природу многие согласились, но про буквы нет. Зачем Богу буквы? Кому письма писать?

– На персидском языке слово «раз» означает «Тайна». В древние времена у древних-древних народов, индоевропейцев (это наши с вами предки), был бог РАЗЪ. Или РАЗД, – сказала Милена. – Когда народы разошлись по земле, его имя стало меняться. В Древнем Египте бога называли Ра – бог Солнца. На Руси тоже был бог Рарог. И река Ра – так называли Волгу. В Скандинавии этого бога называли Один. Вот мы и добрались до самого начала. РАЗ, ОДИН, АЗ. Всё собралось в кучку.

Мы тоже почувствовали, что будто сначала всё было по отдельности, а теперь вроде бы тоже по отдельности, но рядом: и Бог, и я, то есть аз-человек, и единица, и основа, и первый. Человек ведь тоже, как Бог, – каждый единственный и неповторимый. Даже если Таня с Тоней друг на друга похожи, они всё равно каждая – одно отдельное и целое.

– А у нас в семье бога Аллахом называют, – сказал Рафат.

– А у нас – Иисусом Христом, – сказала Ирина.

– Правильно, – кивнула учительница. – В разных языках Бога по-разному называют: и Элохим, и Нум, и Брахма, Аллах, Амма, Мутум, Торум, Укко... Род, Бог, Господь, Всевышний, Любовь... И даже такое имя есть: У Блей У Нонгбух Нонгтхау, что значит – Бог Создатель Мира. Но он всегда что-то одно, целое, первое, главное.

– А как его по правде зовут? – спросил Артём, который первый раз в жизни слышал про Бога.

Мы посмотрели друг на друга, но никто не знал, что ответить. Милена, наверное, тоже не знала, поэтому она легонько щёлкнула пальцами, и зазвенел звонок.

– Всё, переменка! Отдыхаем! – радостно сказала учительница.

Переменка

На перемене мы высунули нос из класса. Второй класс носился по коридору.

Мальчишки просто так носились, а девчонки вставали в хоровод и быстро кружились, а потом падали на пол. Мы к ним присоединились. А потом пришла завуч и стала сердиться. Потому что на ремонт и так кое-как денег наскребли, а мы всё портим теперь. Милена выглянула из класса, и завуч перестала ругаться.

– Ладно, – сказала она. – Научу вас играть в одну игру. Называется уголки.

– Не уголки, а ляпа, – поправил её учитель физкультуры, который шёл в учительскую.

– Если вы такой умный, – сказала завуч, – покажите тогда, как в неё играть.

И встала в уголок. Историк из старших классов закричал:

– Ага, тогда физра будет ляпа! – и тоже занял уголок.

Они все из учительской высыпали и играли до самого звонка. А нам, чтобы не сшибли, пришлось зайти в класс и смотреть из-за дверей.

Урок второй

Только собрала Милена наши рисунки с единицами, как за картой раздалось громкое шебуршение.

– Я знаю! Там мышь! – закричал Слава.

Даня на всякий случай прижала к себе свою леечку.

Миша смело подбежал и приподнял карту. И тогда мы увидели дверь.

– Она там шуршит, – сказал Артём, приложив ухо к двери. Мы все захотели приложить свои уши и послушать. Еле места хватило. Но мы так копошились, что всё равно ничего не было слышно, тем более Даня немножко плакала. Карта упала на нас сверху. Получилось, что мы будто под землёй или даже с другой стороны Земли. Вообще, все сразу поняли, что дверь спрятана не просто так. Если прячут, значит, здесь что-то очень важное. Потому что ненужное не прячут, а, наоборот, расхваливают и всем в руки пихают.

– Закрыто, – сказала Тоня. – Интересно, что там? Я прямо сейчас лопну от любопытства, открывайте быстрее.

– Придётся ломать, – Григорий подёргал дверь.

– Мамочки! – прошептала Таня. – Не надо открывать, а то я сейчас умру от страха.

Мы не сразу определились, что лучше: чтобы Тоня лопнула от любопытства или Таня умерла от страха, – и решили, что для всех будет безопасней, если близняшки пока погуляют в коридоре.

Ломать ничего не пришлось. Учительница достала ключ и открыла дверь.

– Вдруг там какой-нибудь принц, то есть старшеклассник томится... Его пять лет назад за плохое поведение туда посадили, теперь только скелет остался, – шептала Марина, пока дверь медленно открывалась с тихим скрипом, как и положено таинственным дверям.

– Что ж он тогда молчал, не звал на помощь, – оглядывая тёмную лаборантскую, высказал сомнение Рафат.

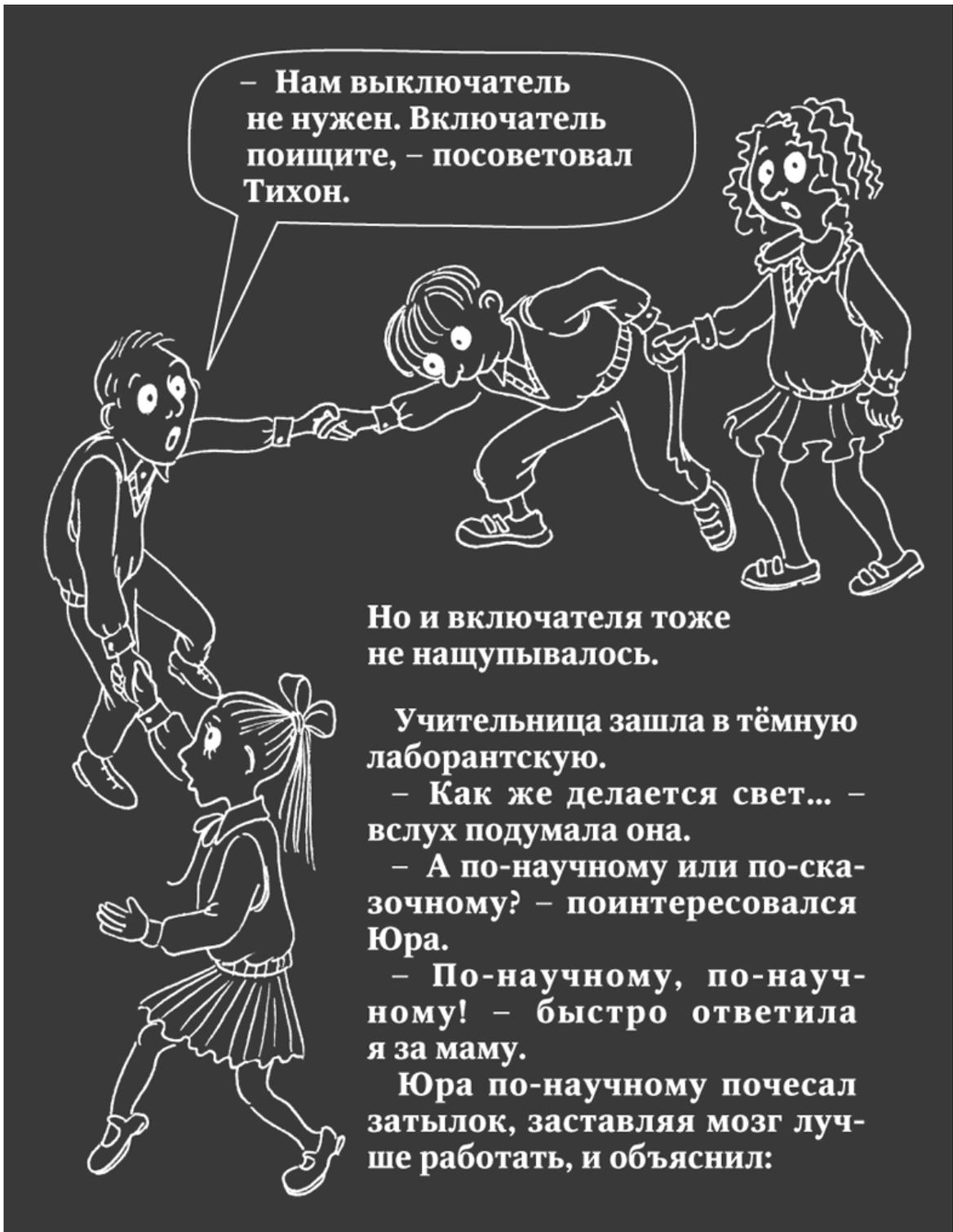
– Ему рот заклеили. И руки с ногами связали, – ответил Артём. – А вообще-то тут ничего не видно.

Фонарика у нас не было. Спичек и зажигалок тоже.

Милена потрогала рукой стену.

– Выключателя нет, – сообщила она.

– Как мы помним из «Энциклопедии для малышей», всё на свете сделано из одних и тех же частичек. Атомы называются. Так?

Мы дружно промолчали. Не у всех дома была «Энциклопедия для малышей». А у кого если и была, тот уже забыл про атомы.

– Так, – ответил себе Юра и замолчал, вспоминая, чем атомы темноты отличаются от атомов света.

– Разница только в том, – Юра опять научно почесал голову, отчего волосы у него ещё сильнее распушились, – как атомы соединяются. В темноте они друг к другу, наверное, плотнее прилеплены, поэтому и темно. А если их раздуть, то будет светлее.

– Ну, ты и голова! Я тоже про это знал, но забыл! – похвалил Юру Григорий. Мы

обрадовались и начали научный эксперимент.

Мы вместе дули. Потом по очереди. Вокруг слегка посерело, можно было уже разглядеть, что в лаборантской висит полка. Мы стали сдувать темноту под неё. Вскоре под полкой в углу так потемнело, что на эту темноту можно стало звёзды пришивать, такая она была густая. Зато вокруг совсем посветлело. Как бывает перед самым восходом солнца. Мы закричали «ура!». Но Юра опять нам по-научному объяснил, что, как мы понимаем, это ненадолго, завтра придётся опять дуть, потому что, если темноту и свет ничем не закрепить, они снова расползутся и перемешаются.

– Надо что-то такое придумать, что-то такое крепкое... – сказала учительница.

– Надо люстру купить красивую. И ещё ночничок. И включить. Будет так уютно. На переменах можно в дом играть, – предложила Мириам.

– А без света зато можно в темницу играть, – придумала Марина, – будто красавица томится в плену у дракона, а рыцарь её спасает.

Но никто не вызвался быть красавицей и томиться в лаборантской, даже если и не в полном одиночестве, а вместе с драконом.

– Солнце нам сюда надо, – сказал Григорий. – Ну-ка, Юрий, объясни, из чего Солнце сделать? Я читал, но давно. Забыл уже.

– Как вы понимаете, Солнце тоже из атомов. Только они, наверное, горячие, – ответил Юра.

И мы стали думать, как сделать горячие атомы.

Рафат предложил разжечь костер. А потом подкинуть его вверх.

Нам понравилась идея. Даже если Солнце из этого не получится, всё равно должно быть красиво.

– Знаете что, – остановила нас Милена, – уже звонок скоро, давайте Солнце будем завтра делать. Тем более дров для костра нет.

Мы, правда, все уже уставшие были – поразделяй-ка тьму от света, поэтому с радостью вернулись в класс и сели за парты.

– Итак, на чём мы остановились? – спросила Милена. – Вообще-то у нас должен быть урок родной речи.

– Я знаю! – закричал Слава. – Мы вспоминали, как зовут Бога.

Учительница смущенно взглянула на Юру.

– Ну-у, – протянул наш обладатель «Энциклопедии для малышей», – как мы знаем, Бог ведь такой большой, что он везде. А если он везде, то он – всё на свете. А как всё можно назвать одним именем? Вот люди сами и дают ему разные имена. Каждый на свой лад.

– Это тоже в «Энциклопедии для малышей» написано? – спросила поражённая Милена.

– Нет, это мои личные наблюдения, – честно признался Юра.

– Как это – он везде? Это что, и рядом со мной? И даже во мне – тоже Бог? – удивился Коля Ульянов и пошёл совершенно удивлённый домой. Вот так живёшь семь лет и не знаешь, что там у тебя внутри.

Цветы мы пересадить так и не успели. Землю, которую мамы с папами принесли, Милена сложила в лаборантскую, чтобы она не мешала тёте Наде мыть пол в кабинете. И леечку Данину наполнила водой, чтобы отстоялась, и поставила рядом.

– А тот, кто шуршал, её не сгрызёт? – спросила Нора про лейку.

– Я думаю, это атомы шуршали, – ответил Григорий. – Атомы не сгрызут. У них зубов нет.

Домашним заданием нам было подумать про Солнце, про букву Б и нарисовать двойку.

Глава четвёртая. Вечер при хрусте луны

– Вы отдули темноту от света? – папа был в шоке. – Это ненаучно!

Но мама сказала, что Юра прочитал об этом в энциклопедии и всё совершенно научно.

– Смотри: ночью ветер бывает? – сев на диван и взяв мамины руки в свои, ласково

спросил папа. Милена кивнула.

– Ладка, ты слышишь, ночью ветер бывает! – папе нужна была моя поддержка. Я не представляю, как они семь лет назад без меня жили. Ведь чуть что: Ладка, Ладка!

– А почему же ветер ночью не сдувает темноту? Почему не светлеет, пока не покажется Солнце?

– Во-первых, светлеет ещё до того, как Солнце всходит, – поправила мама. – А во-вторых, может, это ветер и сдувает темноту. Только вокруг Земли темнота большая и тяжёлая, а не как у нас в этой таинственной комнате. Ветру всю ночь приходится дуть. И ещё: ветер работает в одиночку, а нас было больше двадцати человек!

Хорошо, что папа сидел на диване, а не стоял на твёрдом полу. Потому что он сразу же обессиленно рухнул. И уже лёжа простонал:

– А если ветра нету, то и утро не настанет, по-твоему?

– Вот и мы подумали: нужно что-то надёжное, типа Солнца, – робко вступила я.

Папа приподнялся и подозрительно посмотрел на меня. Он не мог разобрать, на маминой я стороне или на его.

– И что вы придумали «типа Солнца»? – вкрадчиво спросил папа.

– Рафат предложил костёр... – спокойно ответила Милена. Тут уж мне пришлось в открытую встать на папину сторону, и мы принялись объяснять маме, что костёр вверх бросать не надо. Директор может заволноваться. Или пожарники. И вообще – это пережитки древности, таким образом мастерить Солнце. Что мы, мол, бушмены какие. Мало, что ли, других, более современных способов. Я даже готова пожертвовать своим ночником-шариком с батареей внутри.

– Это скорее Луна, – сказала мама. – Хотя нет. Луна должна быть помягче, чтобы её можно было съесть и превращать в месяц.

– Кто это её должен съесть? – тут же удивился папа. – Это тень от Земли падает на Луну, и мы видим только её часть – месяц. Никто её не съедает.

– Это ты так думаешь, – не согласилась мама. – Выгляни в окно.

Мы погасили свет и пошли к окошку. Луна уже выкатилась на небо. И была она изрядно подгрызена.

Я взяла бинокль и посмотрела. На Луне сидела собака. Большая и, видно, ужасно голодная. Он откусывала Луну с края!

– Эй! Тебе что, больше нечего есть? – крикнула я.

Но собака не обращала внимания. Конечно, я же не знаю её кличку. И она, наверное, думает, что я кричу кому-то другому. Может быть, бродяге в мятой шляпе, который иногда стоит у мусорки. Он-то сразу поднял голову и посмотрел на наше окно.

Папа выхватил у меня бинокль. Он долго наблюдал за Луной, а потом стал посмеиваться.

– Ну, подумать только! – тихонько бормотал папа. – До чего наша мама может дофантазироваться! Я же говорю, никто Луну не откусывает. Это жадный лунный хозяин, когда слуги не несут ему есть, закрывает Луну в коробочке. А как только принесут еду, он постепенно приоткрывает крышку. Кстати, что там у нас с ужином?

Папа как ни в чем не бывало положил бинокль и пошёл на кухню. Зато я тут же опять нацелилась на Луну. Да нет же, не было там никакого лунного хозяина. И собака куда-то убежала. Зато тощий чёрный вурдалак с нечищеными длинными зубами вгрызлся в оставшийся от Луны Месяц.

– Ма-ам! – крикнула я. – Смотри! Откусывают все кому не лень!

Но мама была на кухне и чего-то напевала, жаря блины.

– Ты, Тот, Который Грызёт Луну! – закричала я. Теперь-то он должен понять, кого я имею в виду. Оказалось, не так уж сложно давать имена!

Вурдалак на секунду замер и опять впился в Месяц. Мне показалось, я услышала хруст.

И тут в кухне упал шкаф. Кастрюли загремели так, что на Луне, наверное, было слышно. Бросив бинокль, я помчалась доставать родителей из завала. Всё же они мне дороже, чем далёкая, хотя и такая хрупкая, красивая Луна.

Папа с мамой были живы-здоровы. И шкаф тоже. Они стояли у окна и колотили половниками по металлическим крышкам и кастрюлям. Точнее, папа с мамой колотили, а шкаф просто так стоял, грустно смотрел большими глазами-стёклами в стену.

– Это лучший способ спасти Луну, – объяснила мама, метнув в небо вилку. Это, кстати,

была любимая папина вилка, серебряная. Папа проследил за ней глазами и продолжил стучать по кастрюле, но уже немножко грустнее.

Бродяга у мусорки поднял палку и тоже бросил её в сторону спутника Земли.

Я поднесла к глазам бинокль. Вурдалака больше не было. Неужели испугался? Может, конечно, спрятался на тёмной стороне Луны и прогрызал теперь дырки там? И вкусно ли ему? Может, для него Луна – как для меня ватрушка или сыр?

Я почувствовала, что проголодалась. К счастью, родители перестали греметь, и мы сели ужинать. Мы откусывали от круглых блинных боков и думали про Луну. Блины, покрытые блинными морями и горами, очень на неё похожи, и с поджаренных краешков они даже так же хрустывали.

Глава пятая, день второй. Делиться надо, или Сотворение дня и ночи, Солнца и звёзд. А ещё про то, как мы подоили облако

На первом уроке мы принялись вытаскивать из портфелей разные солнца. Я всё же взяла с собой ночник. Кто-то принёс бенгальские огни, свечи, кто-то просто на картоне кружок с лучами нарисовал блестящей золотой краской.

– У меня бабушка вспомнила ещё одно слово на букву А, – сказала Рая. – Это Алатырь.

Камень такой, из которого Солнце сделано.

Рая положила на парту камешек, похожий на янтарь. Внутри него были словно золотые искорки.

– Солнце – это вообще куча золота, – Таня с Тоней показали игрушечное колечко, похожее на золотое.

– Тоже мне, куча, – фыркнул Григорий и едва вытянул из рюкзака медную миску. – Вот вам куча. Если медь сунуть в огонь, она нагреется и станет солнцем.

– А если стукнуть этой сковородкой в глаз, то посыплются искры, – к чему-то сообщил Артём.

– Я знаю, знаю! – сказала Настя. – В пятом классе учится мальчик, так он взглядом поджигает! Поставят ему двойку, а он глянет на журнал – и журнал сгорел. Поэтому ему теперь велели всё время ходить в тёмных очках!

Мы решили, что потом как-нибудь сходим посмотрим на этого мальчика, и продолжили разбирать солнца.

Света Солянкина пришла с караваем, он тоже на солнышко годился. Хорошо, что у нас после первого урока завтрак, и мы, подвесив все солнца на стену таинственной комнаты, пошли в столовую, а то бы не удержались, слопали её каравай – так вкусно от него пахло.

После столовой Милена решила, что нужно познакомиться с двойкой, а потом уже проверять, как там наши солнца прижились.

За окном школы собирались тучи. Осенние тучи. Всё лето они паслись над лугами и реками и к сентябрю отъелись так, что превратились из беленьких пушистых облаков в толстые фиолетовые горы. Горы столпились в школьном дворе. С них посыпались камни – раздался гром. Между камнями засверкали искры молнии.

Милена нарисовала на доске знакомую нам единицу и, крикнув: «Ба-бах!», превратила палочку в молнию. Хорошо, что в это же время за окном у туч случился очередной приступ грома. Мы, вжав головы в плечи, закрыли глаза и заткнули уши. Тоня с Таней нырнули под парту. Серёжа свалился со стула. А Даня даже не заплакала, потому что побоялась открыть рот – вдруг молния залетит. К счастью, из-за очередного удара грома никто не заметил волшебства. Посмотрев на доску, мы просто увидели нарисованную молнию: Z, которая чем-то напоминала цифру 2.

– Двойка – это совсем не единица, – заметил Рафат.

– Да, это похоже на две единицы: одна вверху, другая внизу, – предложила своё видение цифры Мириам. – Но потом эти единички помяли, уголки кое-где закруглили, и получилась такая красивенькая двочка с круглой головкой. Как прекрасный лебедь.

– Или очень уродливая, горбатая Баба-яга, – совсем по-другому увидела двойку Марина.

– Прекрасный и уродливый... – сказала учительница.

– Вверху и внизу, круглый и угольный, – продолжили Тоня и Таня. Одна говорила одно слово, а вторая – противоположное. Так как девочки после сидения под партой могли перепутаться, я не знала точно, что говорила Таня, а что Тоня.

– Быстро и медленно, водитель и пешеход! – крикнул Рафат, у которого папа работал на маршрутке.

Миша достал из ранца большую ракушку и маленькую и стал их слушать: в одной море шумело громко, а в другой – тихо...

– Это что, получается, в мире всего по два? – удивился Коля Ульянов и принялся разглядывать свои две руки, потом свои две ноги, потом попробовал рассмотреть свои два глаза и два уха, но у него не получилось.

– В мире много чего по два, и эти два противоположны друг другу, – кивнула учительница. – Есть правое, и есть левое. Есть мальчики, и есть девочки. Если бывает горячее, то и холодное тоже.

– Светло и темно, день и ночь, добро и зло, – добавила Ирина. – Какая волшебная эта двойка!

– Моя бабушка говорит: «каждой твари по паре...» – вспомнила Рая. Мы тут же подумали, что бабушка у Раи была, наверное, пираткой, раз так ругалась. Но Милена объяснила, что тварь – это творение, то есть что не просто так сделано, а живое, любое живое существо.

– Тварь – понятно. А пара – это... – задумались мы. Конечно, ясно, что это двойка, но почему она «пара»?

– Здесь опять есть «Ра», так же как в «раз», – догадался Тихон. – Получается, «пара» – это то, что идёт после «раз»!

– Даже если бы люди знали только одно число – «раз», то всё равно можно было бы считать. Например, вместо «два» говорить: «раз-раз» или покороче – «ра-ра». Вместо «три» – «ра-ра-ра», – сказала учительница.

Нам это понравилось. Хотя, конечно, до ста таким способом долго считать. Поэтому и появились все остальные цифры.

– Двойка... – Юра сжал кулак и стал размышлять, а мы стали смотреть, потому что он размышлял очень интересно. Сначала Юра доставал из кулака большой палец, и тот показывал в небо, вернее, в потолок. А второй, указательный, упирался в сидящую рядом Иру. И так несколько раз, пока Ирина не попросила не тыкать её в бок.

– Я открытие делаю, – объяснил Юра, – а тебе бока жалко. Двойка – это значит – «твой-ка». Второй, указательный палец всегда показывает на что-то другое, на чужое.

– Тыкать пальцем невежливо, – заметила Нора.

– А почему? – спросил Артём. – От этого же никому не больно.

Милена похвалила Юру и Иру за научный эксперимент и сказала, что указательный палец – волшебный, из него специальная волшебная сила идёт.

– Это в древности так думали: если направил на кого-то палец, то собрался колдовать. Вот и старались друг в друга не тыкать! – быстро дополнила я. А то вдруг мама сейчас решит свою волшебную силу показывать. Она умеет. Иногда указательным пальцем так погрозит, миг забудешь, что собирался напраказничать.

– Так почему же двойка «двойкой» называется? – вернула я маму к теме урока.

– Раньше было слово «двоица», а ещё раньше «дэва», – начала объяснять Милена.

– Я понял! Это «два» по-грузински, – закричал Слава.

– «Дэва» – это «дева», а слово «дева» означает «дух» или «волшебница». Получается, что один – мужское число, «Один», это он – мужского рода, а два – «дева» – число женское. «Один» и «два» – очень-очень древние слова. Среди всех названий чисел только они меняются по родам, могут быть мужскими и женскими. Если доска, то ОДНА. А мелок ОДИН. А число три уже так и останется, хоть три доски, хоть мелка – всё равно три.

Тут к нам в дверь постучали, и вошла тётя Надя.

– Мою, гляжу – письмо, – сказала она. – Гляжу – вам.

Письмо про числа

Мы удивились, что нам кто-то пишет. Милена открыла конверт. Письмо было от Марьи Ивановны, той самой учительницы, которая должна была нас учить, но срочно отправилась путешествовать.

Здравствуйте, дорогие ребята и ваша новая учительница!

Я люблю путешествовать, потому что в дороге узнаешь много нового. Можно, я по старой учительской привычке буду рассказывать вам, чему научилась в своём путешествии, а вы нарисуйте мне – что вы узнали. Если вы согласны, я расскажу про Сахалин. Это на краю России. На Сахалине живут нивхи. У них на каждый случай существуют специальные числительные. Если считаешь что-то плоское и тонкое – то нужны одни названия чисел. Если длинное – то другие. То, чего всегда по два (глаза, лыжи, рукавицы) – считать нужно третьим способом. Лодки – четвёртым. Всё мелкое и круглое – пятым.

Людей – шестым. Пальцы – седьмым. Животных – восьмым... Вам нужно выучить только один раз: «Один, два, три...» и так далее. А нивхам – 26 раз по столько! Это всё равно что научиться считать на 26 языках!

После Сахалина я отправилась на юг, на остров Новая Гвинея. Думаю, вам будет интересно узнать, что древние жители этого острова считают совсем не так, как мы или нивхи. Они придумали название только для одного и двух. «Один» они называют «урапун», а два – «окоза». Догадайтесь, что они говорят, если им нужно купить в магазине три набедренные повязки? Они говорят: «Окоза-урапун». А когда требуется четыре шоколадки, то нужно сказать «окоза-окоза». Ой, вообще-то я хотела спросить, выучили вы уже или нет 1 и 2?..

– Выучили! – дружно ответили мы.

Учительница принялась развешивать наши двойки на доске. Тут опять что-то загрохотало. Но это был не Серёжа, который у нас так вертится, что часто падает на пол. И не гроза. Тучи, как стадо больших коров, послушно шли к горизонту.

– Это в той комнате... – показала пальцем Тоня.

– Там какое-то землетрясение, наверное, – предположила Нора, – сейчас нас всех завалит.

В доказательство в лаборантской снова грохнуло.

– Пора проверить, – дала команду Милена, и мы дружно сорвались с мест.

Дерево, Книга, Буква и Будущее

В таинственной комнате было не очень светло. Наши солнышки пока не прижились. Много светил свалилось на пол. И мой ночник тоже. Он разбился на мелкие кусочки! Милена взяла веник и смела осколки упавших солнц в кучку. А потом бросила их в темноту!

Осколки повисли в воздухе и замерцали.

– Звёзды, – прошептала Мириам.

– Когда они будут падать, нужно успеть загадать желание, – сказала Марина.

Но звёзды прицепились крепко. Зато упал Светин каравай. Он не хотел быть солнцем. Ему нравилось оставаться душистым хлебом.

– Ещё двойка обозначает, что нужно делиться, – сказала Света. И хотя мы были недавно из столовой, каравай съели до последней крошки. И когда доели и притихли, опять стало слышно, как в сумерках что-то шуршит и даже немножко позванивает.

– Надо ЭТО на каравай приманить, – с опозданием предложил Григорий.

– А больше нету, – вздохнула Света Солянкина. – У меня в портфеле только буква Б осталась на альбомном листке.

– Не, на Б никто не приманится. Это же невкусно, – Григорий покачал головой, и все сразу поняли, что он наверняка большой знаток вкусовостей. Григорий вообще был большой. И в длину, и в ширину.

Зато на Б хорошо приманилась Милена. Она быстро рассадила нас по местам, закрыла лаборантскую, поправила карту и принялась рассказывать про вторую букву азбуки.

– Б звали «Буки». Буки – это означает «буквы» или «грамота».

– А почему буквы называли «буквы»? – поинтересовалась я. – А не «туквы», «луквы»

или «гуквы»?

– Наверное, потому что раньше писали на дощечках из дерева-бука. Дощечки были вместо тетрадок, – объяснила Милена. – В некоторых языках «бук» – значит книга. Если бы писали на тыквах, тогда, может, говорили бы туквы, а не буквы...

– А если бы на луковицах, то луквы, – придумала я и представила, как сидят в древности люди, пишут на луковицах, а слёзы капаят и капаят. Горько ведь. Да... на луковицах ни о чём смешном не напишешь...

Учительница достала из стола большую книгу со сказками и показала нам страничку. Первая буква была большая-большая и красивая, как картинка. У этой красивой нарисованной буквы тоже было название – «буквица».

Милена открыла учительский стол и вытаскала дощечки. Она вытаскивала их и вытаскивала, непонятно было, как они в столе поместились.

Серёжа вертелся, вертелся, чтобы посмотреть, хватит ему дощечки или нет, и наконец упал на пол.

Каждый получил по дощечке и по палочке. А Серёжа ещё и замечание, за то, что падает неаккуратно, размахивая руками. Все игрушки у Миши с парты смахнул.

– Я знаю! Это ручки такие! – догадался Слава, разглядев палочку. Но тут он ошибся. Потому что это были никакие не ручки, а писало. Ведь ими писали, вот они и писало. Мы взяли в ручки, то есть в руки, писало и стали остренькими кончиками писать на дощечках букву Б. Дощечки были покрыты воском, поэтому писалось легко. А если криво напишешь или сосед рожицу твоей Б пририсует, что не Буква, а Бука получается, то она запросто стиралась. Только переверни писало другой стороной, на котором стирало... то есть такая лопатка, им разровняй воскало на доскало и начинай всё сначала.

Потом, хотя нам и не задавали, мы пририсовали пузатенькой Б кружок сверху, и получилось В.

– Очень они друг на друга похожи, – сказал Никитка, – в темноте можно и перепутать.

Учительница кинула:

– Поэтому в древние времена букве Б не поручили никакого числа. Это вообще очень странная буква. Люди говорили: «Буки-то ещё когда будут». Здесь слово «буки» – это будущее. Очень таинственное будущее, загадочное. Но в будущее нам заглядывать пока рано.

Мы с сожалением оставили Б в покое и направились к В. В нашей азбуке В звали «Веди». «Веди» – это «ведать».

– У меня бабушка говорит: «отведай, внучка, моего пирожка», – сказала Рая.

– А ты что? – заинтересовался Григорий.

– Я и отвеदываю, узнаю – какой пирог с какой начинкой. Знаешь, какие они все вкусные! И начинки в них разные. Есть с маком, есть с яблоками, бывают с капустой и яйцом...

Миша тихонечко достал из ранца бутерброд и стал понемногу откусывать.

Учительница похвалила Раю за хороший аппетит и ещё раз попросила всех запомнить, что «ведать, вести» означает – «знать», а «веди» – «знаю», «познал».

Мы повторили три буквы, которые успели выучить. У нас получилось: Аз буки веди – Я буквы знаю! Ничего себе! Мы думали, что это просто азбука, а это – шифровка. Три первые буквы – вышло предложение. А если вместо «буквы» «будущее» сказать, то тут прямо волшебство получается...

– А дальше что? – глядя на алфавит, написанный на обороте тетрадки, спросила Тоня.

– Дальше буква – Г, имя её – «глагол». «Глаголю» – значит «говорю», «рассказываю», а «глагол» – «слово», – сказала Милена. – А сейчас поменяем воду у цветов.

Мы обрадовались, потому что руки и ноги у нас уже устали учиться. А так нужно будет бегать в туалет за водой. Но учительница распахнула окно. В классе стало свежо и сыро. Туман медленно заполнял кабинет. Последнее облако, что осталось от грозы, протискивалось между парт в центр класса.

- Ну и чё ему нада? – испуганно спросил Вадик, который один сидел посреди кабинета.
- Что вы, тумана, что ли, не видели? – не очень уверенно сказал Юра.
- Па-адумаешь, – Вадик потащил свою парту ко всем поближе.

– Аккуратненько подводим облако к цветам и тихонечко тянем за край, – объяснила учительница правило поведения с облаками. – Резких движений не делаем, чтобы всё сразу не вылилось.

И мы стали потихоньку выжимать облако. Когда были политы все букеты, облако меньше не стало. – Это потому что мы дышим, – объяснила Милена, – мы выдыхаем пар, и он уходит в облако.

– Получается, что в этом облаке теперь есть моё дыхание? – сказал Коля Ульянов, когда мы потихоньку вытолкнули облако обратно в окно. – Это получается, что сейчас моя часть полетит над школой?

– Ага, а потом ты упадёшь дождём на землю и станешь лужей, – сказал Артём.

Но луж и без Коли Ульянова было достаточно. И мальчишки принялись их измерять сразу же после уроков. Вот первый класс сухой, а вот уже – мокрый! Был чистый, а стал грязный! Был грустный, а потом стал весёлый. А потом опять грустный, потому что некоторых родители за лужи ругали. Они просто не сразу поняли, что это было домашнее задание: находить у всего подряд вторую сторону.

Глава шестая. Вечер наоборот

Этот вечер был очень динамичный.

Папа говорил мне:

– Включи.

А я отвечала:

– Выключи.

Папа говорил:

– Кушать!

А я отвечала:

– Голодать!

Папа говорил:

– Дурдом какой!

А я отвечала:

– Ума палата!

Папа говорил:

– Ну, всё, я в вашем домашнем задании больше участвовать не хочу! Меня нервирует, когда мне всё время возражают. Мне этого на работе хватает. А если дома будет то же самое, что и на работе, я запутаюсь и перестану одно от другого отличать. Дома должны быть мир и согласие.

Тут я с папой согласилась, потому что не зря же меня зовут Лада. Ладить – значит жить мирно. «Ладно» – говорят, когда соглашаются. Есть ещё музыкальное слово – лад – это если звуки между собой дружат. А когда слова между собой дружат, то это склад, складно.

Вообще, было бы здорово, если бы все в мире поладили. Все противоположности. Например, врачи и больные, полицейские и хулиганы, правительство и народ, папа и его заказчики.

Я закрыла глаза, и врачи вылечили всех больных.

«Так, – сказал потом самый главный врач. – Что мы теперь будем делать? Кому мы теперь нужны?» Они сели на коробки с бинтами и заплакали.

И полицейские заплакали, потому что все люди стали хорошие, окна не били, чужие вещи не трогали и вообще никого не обижали. И полицейским стало нечего делать.

Потом заплакали дворники, потому что никто не мусорил. Но громче всех плакало правительство. Потому что народ очень постарался и стал жить хорошо: за стариками ухаживать, детей рожать, школы ремонтировать и с другими народами дружить – всё сам, теперь его не надо было заставлять. И что оставалось делать правительству? Правительство подумало и от скуки решило построить табачную фабрику, а потом ещё завод, на котором водку делают, и другие заводы, которые реки и воздух загрязняют. А по телевизору велели передавать, как друг за другом подглядывать, драться, животных на охоте убивать и тратить деньги. Как установили учёные – от этого люди быстро глупеют, а глупыми легко командовать.

Я открыла глаза и помотала головой. Странно получается. Чтобы было хорошо врачам, должно быть побольше больных. Дворникам нужен мусор, а полицейские не могут без бандитов. Ведь если исчезнет одно, не нужно будет и противоположное. Хотя если врачи исчезнут, а больные останутся, то плач ещё громче стоять будет!

Мама, которая готовилась к завтрашним урокам, вышла из-за стола и села с нами на диване. По телевизору показывали рекламу. Я люблю её смотреть. Потому что сразу становится понятно, что тебе нужно, чтобы стать чище, суше, веселее, красивее и здоровее. Но теперь я смотрела её как-то по-другому. Ведь тому, кто продаёт средство от облысения, совсем не надо, чтобы у людей быстро росли волосы, иначе кому он будет его продавать? И продавцы таблеток, наверное, радуются, когда побольше людей мучаются от боли в животе или гриппуют.

Мне стало ужасно грустно.

– Я нашла ещё две противоположности, – сказала я маме. – Врать и фантазировать. Вроде бы похожи, но это совсем разное дело.

– А у меня волшебный палец, – ответила мама. – Он умеет рисовать в воздухе разные фигуры.

И она нарисовала пальцем кружок.

– У меня тоже волшебный, – ответила я и пририсовала маминому кружку лучики.

И хотя наше Солнышко было не разглядеть, мы знали, что оно светит.

– Выключите уже свет! – крикнул нам папа, который проспал всю рекламу. – Спать мешает!

Глава седьмая, день третий. Третий – лишний или нет, или Как мы уничтожили лишние солнца, сотворили Луну, Гору, а Низина, Море и Река сами получились

– Мне двойка не нравится, – сказал Рафат, как только мы достали тетрадки по математике. – Потому что если есть богатые, то есть и бедные. Раз есть счастливые, то и несчастные, получается, должны быть из-за них.

– Без двойки никак, – объяснил Юра. – Всё замрёт. Даже на качелях нельзя будет покачаться.

– Это почему? – удивились мы.

– Чтобы качаться, нужны верх и низ. Вверх-вниз, вверх-вниз.

– Моя бабушка говорит: нет худа без добра, – сказала Рая.

– А может быть, их как-нибудь подружить... – раскрывая тетрадь, предложила Ирина.

– Кого подружить? – не поняли остальные: бабушку с Раей, что ли, или качели с бабушкой?

– День и ночь, например, – пояснила она.

– Жару и холод, лёд и пламень, – добавила Милена. Она немного прикрыла жалюзи, чтобы солнце не слепило нам глаза.

– Если день с ночью смешать, получится утро или вечер, – первым сообразил Юра.

– А если мужчину с женщиной смешать, – сказала Мириам, – то получится ребёночек. Такой маленький, сладенький карапуз!

– Как это их смешать? – удивился Коля Ульянов. – Миксером, что ли?

Мы захохотали.

– Не миксером, а любовью, – объяснила Ирина, которая, хотя и не смотрела сериалы, но про то, откуда берутся дети, догадывалась. – Если Бог видит, что двое любят друг друга, то он пошлёт им малыша – вот откуда.

Милена кивнула:

– Где два, то обязательно будет и три. Тройка вообще волшебное число. Это двойка и плюс ещё любовь между ними, и в результате получается что-то совсем новое, очень устойчивое, а не как на качелях.

Я обрадовалась, что так может быть. У меня-то вчера никак не получалось противоположности мирить. Нужно будет ещё раз попробовать. Подружились больные с врачами – получилось... здоровье, наверное?! Хулиганы с полицейскими подружились – вышел порядок? Или общественно полезные работы?

Учительница нарисовала на доске треугольник, который напомнил нам сердечко, а Мириам нарисовала в тетрадке сердечко, которое походило на треугольник. Так мы и приготовились перейти к новой теме, но из-за карты подозрительно запахло.

– Пожар! Кто-то горит! Или курит! – закричал Слава.

– Неужели это мыши? – удивилась Света. – Горят или курят...

Из замочной скважины тянуло жаром. Милена даже обожглась о ключ, пока поворачивала его в замке.

Три солнца прижились, хотя и съехали по стене вниз. Они слепили, не было даже видно звёзд в углу.

– Есть у кого-нибудь научная идея? – спросила Милена.

– Нужна не идея, а варежки, – морщась от жары, сказал Тихон, – чтобы убрать лишние. Миша, недолго думая, бросил в солнца тряпкой для стирания с доски. Одно из светил упало на пол, звякнуло и покатилося куда-то в угол.

– Ещё тряпочки есть? – спросил Артём. Мы поискали глазами в классе.

– Только платочек, – ответила Мириам, достав белый в оборочках и с красивой вышивкой платочек.

– Если чистый, то давай, – Артём протянул руку.

– Наоборот, сопливым лучше бросаться, он тяжелее, – высказал свою научную идею Григорий.

Мы собрали платочки, связали их вместе. Получилось целое полотенце. Артём прицелился в солнце. Платочки полетели не торопясь, как стайка городских голубей. Птицы мира обняли крыльями яркий шар, и он затих в их объятиях, став Луной.

Теперь мы могли зайти в волшебную комнату.

– Непонятно, – внимательно рассмотрев лаборантскую, сказала Милена, поправляя наши Солнце и Луну, – почему её прячут от комиссии? Здесь, в общем-то, ничего особенного нет. Ни склада с боеприпасом двоек, ни призрака замученной учительницы.

– А что там, в них? – спросила Тоня, показав на полку в углу, где стояли невзрачные коробочки из серого картона. Учительница попыталась вытащить одну из коробок. Они плотно прижались друг к другу, не давая разрушить ровный ряд. Милена потянула сильнее. Полка вместе с коробками рухнула на учительницу, учительница – на нашу землю для цветов. Коробки открылись, и из них высыпались камни – обычная коллекция минералов, обязательная для любого кабинета географии. На камни, землю и Милену потекла вода из опрокинутой Даниной лейки.

– Ой, Милена Зоревна, вы убились! – закричала Нора, и тут мы все бросились поднимать маму и ещё немножко потоптали землю.

– Так получились долины и низменности, – сказал Юра, когда все наконец отодвинулись к двери.

– И ещё море с озером, – добавила Рая, рассматривая лужи воды.

Я взяла веник и немножко смела землю с мамы и с пола в кучку. Получилась Гора.

– На сегодня приключений хватит, – Милена вытолкала нас в кабинет и напомнила, что вообще-то мы сегодня изучаем цифру три.

– Тройка – волшебное число, – торжественно продолжила тему Милена.

Мы тут же вспомнили, что волшебная палочка может исполнять всего три желания, в сказках всегда по три брата, или три сестры, или три поросёнка, или три богатыря.

– Я вспомнил! У нас в школе три этажа! – закричал Слава.

– Да, но разве школа бывает волшебной? – не согласился Юра.

– Зачем эта на-ада? – спросил Вадик.

Я немножко испугалась, как бы мама не решила показать, что всё вокруг может быть волшебным. Но она понимающе улыбнулась мне и ответила:

– В школе волшебство особенное. Изобретательское и учебно-воспитательное. Например, сегодня будем изобретать цифру три.

Тут мы поняли, что совершенно забыли, как пишется цифра три.

– Да я сто раз в книжках видел... – бормотал Юра. Он даже покраснел от старания вспомнить.

– Мы должны изобрести тройку заново! – дала нам задание Милена.

Десять минут над партами только и стояло: тррр, тррр...

И мы её изобрели!

Юра нарисовал три палочки, так древние римляне писали цифру три. А если три палочки положить горизонтально, то будет японская или китайская тройка. Света придумала, что можно нарисовать вилку с тремя зубцами – вот и тройка. Мое дерево с тремя ветками тоже походило на вилку. Или на человечка, который поднял руки вверх. А Ирина нарисовала три уголка. Раз уж у единицы один угол, у двойки – два, то у тройки должно быть три. Два

уголка указывали вправо, а один, посередине, – наоборот: 3 с острыми углами. Учительница уголки погладила рукой, и вышла вот такая кругленькая цифра: 3. И мы тут же её вспомнили. Только вот вспомнить, почему тройка называется тройкой – не могли.

– Вот тебе и три... и три... и...

– И будет дырка, – грустно добавила Нора.

– Всё понятно, – Ирина тоже догадалась, почему тройка называется тройкой, и остальным объяснила. – Там, где ночь с днём прикасаются друг другу, трутся друг о друга, и получается что-то третье – утро или вечер, а вовсе не дырка.

– Вообще-то я думала, – сказала Милена, – что тройку назвали тройкой, потому что она похожа на «терево», ну, то есть на дерево. Вот как Лада нарисовала.

– Просто тот, кто цифре такое имя давал, в тот день простыл, – добавил Никитка.

– Точно, так и было! – закричал Слава. – И тогда этому простывшему волшебнику насыпали горчицы в носки, а нос велели натирать вьетнамским бальзамом. Ему говорили: «Ты давай, три, три...». Ну, у него нос и стал похож на треугольник.

– А когда он нос себе тёр, то тархтел, как трактор, – добавил Рафат.

И пока мы про это болтали, у нас у всех носы начали чесаться. А платочков нет. Мы же их на Луну забросили. Чтобы нас отвлечь, учительница написала на доске новую букву. Это была Г. Вчера мы только немножко с ней познакомились. Г – «Глагол», то есть «слово».

Но мы сегодня так много глаголали глаголов, что нам хотелось посидеть молча.

– Давайте просто подумаем про букву Г. А говорить будем завтра, – предложила учительница.

Мы кивнули и молчали про Г целых пол-урока. Даже услышали, что дождик из леечки над нашей землёй в таинственной лаборантской стал стихать.

А потом у нас была физкультура, и мы тоже не разговаривали, а только пыхтели.

Глава восьмая. Кх-кх... всё в дыму, поэтому не видно, как называется

– Не верю, – сказал вечером папа, – что за один день можно столько натворить.

Сам-то он весь день просидел с сигаретой в руках. Придумывал для неё подходящую надпись. Но директору табачной фабрики всё не нравилось и не нравилось. Ему не нравилось, как буквы с названием фабрики выплывали в виде дыма из длинной сигареты. И вариант, где директор в виде джинна говорил: «Я – дым ваших желаний», тоже не понравился. На последнем эскизе директор убивал лошадь сигаретой. Сигарета была вместо стрелы. Директор походил на Соловья-разбойника из мультика, а лошадь – на скелет.

– Что ты, мы даже не очень-то и устали, – мама разложила на столе наши тетрадки. – Артём с Григорием после урока бегали по этажам, выслеживали какую-то таксу-мутанта красного цвета и на восьми ногах. Марина и Ирина играли в классики. А остальные – в прятки. Пока родители всех не отыскивали и не развели по домам.

Мама раскрыла первую тетрадь, проверила, как Мириам красиво украсила цифры цветочками, и написала ей внизу красными чернилами: «Умница». Оценки ведь нам не ставили. После третьей «умницы», четвертого «молодца» и второго «хорошо» мама начала скучать. Но это ненадолго. Глаза у неё сверкнули, и я, заглянув через плечо, прочитала в очередной тетрадке: «Никитка молодец, возьми с полки огурец!», а Тане появилось предупреждение: «Не будешь стараться, я буду кусаться!». Мне была выставлена такая оценка: «Что ж, неплохо, Лада, за тебя я рада!».

Папа покачал головой, посмотрев на такие записи в тетрадях, и пошёл дальше думать над табачной фабрикой. «Дым наших сигарет – от чёрта всем привет!» – бормотал он. – «Очень рад, очень рад предложить вам свежий яд!»

Я подозреваю, папа не получит деньги за этот заказ. Похоже, этому директору вообще не нравилось, когда говорят правду!

– Мам, – спросила я, дождавшись, когда она закончит с тетрадками, перестанет быть учительницей и опять станет мамой, – вот курить, например, вредно. Люди про это знают, а всё равно курят. Интересно почему?

– Это очень древнее заклятие, – почему-то хриловатым голосом сказала мама. – Когда человек курит, он кажется себе взрослее, сильнее, бодрее, спокойнее и умнее. Так действует на его мозг яд-никотин, который находится внутри сигарет.

Мама сильно закашляла.

– Что с тобой? – я даже испугалась. Ведь мама никогда не болеет!

— Папа! — закричала я.

Папа примчался от своего компьютера, увидел, в чём дело, сбежал за водой и заставил маму выпить полную кружку. Из ноздрей Милены пошёл дым.

— Извините, вошла в образ, — принялась оправдываться мама, посмотрев на наши испуганные лица.

— Закройте глаза, — попросила она, — на минуточку.

Мы закрыли, но всё равно подглядывали. С такой мамой нельзя расслабляться. Мама потрогала то место, на котором сидела, и облегченно вздохнула.

— Я уж думала, и хвост начал прорастать, — объяснила она. — Открывайте глаза. Я знаю, что вы подглядываете. Так вот. Про то, почему люди курят. Раньше на Земле жили драконы. Но рыцари всех их поуничтожали, даже для зоопарка не оставили. И когда рыцарь приготовился проткнуть копьём последнего дракона, тот сказал: «Пощади меня! Если на Земле не останется ни одного дракона, то на людей обрушится страшное проклятье!» «Худшего проклятья, чем такая мерзкая тварь, как ты, не может быть! — закричал рыцарь. — Но от тебя сейчас даже дыма не останется!» Рыцарь был молодой и недалёковидный. «Вот дым-то как раз и останется, — грустно сказал дракон. — Его ты своим мечом разогнать не сможешь. Раньше дымом дышали драконы. Это было нужно, чтобы перенестись в волшебную драконью страну. А если драконов не будет, то его станут вдыхать люди. И каждый, кто будет вдыхать дым, тоже перенесётся в нашу страну. Только люди у нас — рабы». «Про какую страну ты бредишь перед смертью? — усмехнулся рыцарь. — Вы же все умерли и гниёте в земле!» «Дурак, — отозвался дракон. — Умерли! Ты видел хоть один скелет дракона? Обойди все музеи — динозавры есть, птеродактили есть, а Змея Горыныча нету. Мы не умираем. Мы переносимся в волшебную драконью страну. Там красота и комфорт. Но повторяю, жестяная твоя голова, когда последний дракон покинет Землю, наш дым достанется людям. Многим людям он понравится. Они даже немножко драконами себя

почувствуют. Но дым съест всё, что у человека внутри. Человек станет лёгким, и ветер принесёт его в нашу страну. А там уж мы заставим людей на себя работать. А если не будешь работать, мы тебя коготочком – раз – проткнём, как воздушный шарик. И всё. Шкуркой можно будет только пол мыть». Но рыцарь сказал: «Ха-ха-ха, я настолько бесстрашный, что этим меня не запугать. Я боюсь только одного... А ты готовься к смерти! Твою шкуру я повешу в своём замке!» – и проткнул последнего дракона копьём. Только дымок вышел из пасти умершего чудовища. Сколько ни бросался на этот дым рыцарь, так и не смог его одолеть. Пока он с дымом боролся, мёртвый дракон куда-то пропал. Может, действительно, в волшебную страну перенёсся.

С той поры многие люди не могли с драконьим дымом справиться. А привыкали к нему быстро. Дымили и дымили... И улетали. Вот и вся история.

Мама приготовилась взять книгу, но я её остановила.

– Нет, не вся, – сказала я, – ты не дорассказала, чего «одного» боялся тот рыцарь.

– А... да, боялся, что некая прекрасная дама посчитает его трусом, если он не убьёт дракона.

– А она?

– А она посчитала его очень жестоким человеком, потому что он убил её любимого дракона...

– Как это?

– Они с этим драконом с детства дружили, она ему в пещеру еду приносила, он её катал на тележке и просто так, на спине. Костёр в лесу жгли. А рыцарь увидел и решил, что дракон за ней везде ходит, чтобы украсть и изжарить.

– Ну а спросить-то у дамы нельзя было?! – возмущенно закричала я.

– Может быть, эта дама была глухая, – встрял папа. – Как директор табачной фабрики. Я ему объясняю, объясняю, что нельзя людям врать, а он – как не слышит.

– Он постеснялся. Решил сначала убить дракона, а потом поговорить с дамой. Думал, что придёт такой храбрый, с драконовой головой, так она сразу за него замуж выйдет. Или подарит свой носовой платок. Такая тогда мода была...

– Это так просто: взять и поговорить! – мне было ужасно жалко и дракона, и даму, и глупого рыцаря, и всех, кто теперь не мог победить в себе драконий дым. – Или письмо написать. Кстати, вы заметили: драконы закончились и рыцарей тоже не стало! Вот что значит – не подружиться!

– Да, идея, – кивнул папа. – Может быть, мне написать заказчику письмо? Или подарить ему носовой платок...

И он побрёл за компьютер, а я пошла рисовать картинку к древнему заклятию, чтобы не лопнуть от досады на рыцаря.

Глава девятая, день четвёртый. Мы получаем новое письмо и семечко непонятно чего. И это становится хорошо

Этот день начался очень необычно. Утром к нам в класс вошла завуч. А мы в это время как раз сидели под партами.

– В чем дело, Милена Зоревна! Вы где? – строго спросила завуч. Ведь наша учительница тоже сидела под столом.

– Забирайтесь сюда, – прошептала завучу Милена.

– Что вы там делаете? У вас сейчас по расписанию «Окружающий мир», – завуч наклонилась, и Милена, схватив её за руку, затащила под стол. Завучевские очки немного повисели под партой, а потом всё же нырнули вслед за глазами.

– Мы пытаемся быть поближе к Тихому океану. Не шумите, а то не слышно волн... – попросила учительница.

Завуч прислушалась. Её Тихим океаном было не напугать. Тридцать шесть лет в школе работает.

– Не слышно, – наконец сказал Никитка. – Серёжа громко вертится.

Тогда Григорий немного придавил Серёжу, так, чтобы он только ушами мог вертеть, и мы опять послушали.

– Всё равно не слышно, – покачала головой Света. – В столовой громко чавкают. Наверное, одиннадцатый класс завтракает.

– Придётся на перемене идти и копать дыру, – сказал Рафат, и все стали выбираться из-под парт.

– Какую дыру? – спросила завуч.

– Сквозную, – объяснил Юра. – Как мы все узнали на сегодняшнем уроке, наша планета круглая. И если мы будем копать и копать, то докопаемся до другой стороны Земли. А прямо под нами – Тихий океан. Мы это по глобусу высчитали.

– А вы не подумали, что в эту вашу дыру океан польётся к нам? – возмущенно спросила завуч. – А у нас только что ремонт в школе сделали! Вот не ожидала я такой безответственности! Ну-ка откройте дневники и напишите: «Я никогда не буду копать дыру на другую сторону Земли!». И родители пусть распишутся.

– Мы ещё не умеем писать. Мы только четыре буквы выучили, – напомнила завучу Милена. – Первый класс всё же.

– Первый класс, а такое творите! – продолжала сердиться завуч. – Я в первом классе и не подозревала, что Земля круглая. Если она круглая, почему тогда с другой стороны никто в небо не падает, а?

Юра поднял руку, чтобы ответить про силу притяжения, но завуч ему не дала сказать:

– И не говорите мне ничего про силу земного притяжения! Её вообще в пятом классе проходят!

Ну, мы и не стали ей ничего говорить. Пусть до сих пор думает, что Земля плоская. Ей же хуже. Пойдёт путешествовать и упадёт с края Земли на слона, а со слона свалится на черепаху.

– Я вообще-то вам письмо принесла, – вспомнила завуч. – Только вы читать и писать ещё не умеете.

– Я умею, – подняла руку Милена. Завуч посмотрела на неё подозрительно, подала конверт и пошла из класса. За дверью она остановилась и поковыряла пальцем в ухе.

– Что там шипит всё время! – ворчала завуч. – Совершенно чужой звук. Совершенно не школьный!

Мы не слышали, что там она бубнила, пытаюсь вылить из уха шум океана. Мы собрались возле учительского стола и смотрели на конверт.

Первому классу. От Марии Ивановны.

Дорогие ребята и Милена Зоревна! Сейчас я плыву по Тихому океану. По вечерам я сижу на палубе и внимательно слушаю, что творится вокруг. А ещё я люблю прижаться к палубе ухом. Тогда я слышу, что творится на другой стороне Земли. Когда у нас вечер, у вас уже утро. И я слышу, как вы там учитесь. Я надеюсь, вы не отстаёте от программы? Недавно мы заплывали на остров, которого ещё нет на карте, и я ходила в школу на открытый урок. Это не очень богатая школа, у них нет телевизоров и магнитофонов, мало наглядных пособий. У них даже программы нет, за которой нужно гоняться. Поэтому всегда остаётся время посидеть и подумать. А чтобы думать, наглядных пособий много не надо. Например, на уроке труда ребятам выдают набор «Сделай сам». В наборе: огонь, земля, воздух и вода. Из них ребята делают всё, что захотят. Высылаю вам их поделку...

Милена заглянула в конверт, а потом потрясла его над столом. Маленькое семечко выскользнуло на классный журнал.

Никитка и Даня, они сидели на парте прямо около учительского стола, склонились над семечком. Мы соскочили с мест и тоже принялись рассматривать странный подарок.

– Интересно, что из него вырастет? – спросила Тоня.

– А мне всё равно, фигня какая-нибудь вырастет, – сказал Вадик.

– Это из тебя фигня вырастет, – ответил ему Никитка. – А у нас, может, пальма.

Мы стали гадать, что из семечка вырастет. И оказалось, что всё что угодно. На семечке ведь не написано, чьё оно. И даже если его разрезать – всё равно не узнаешь.

– Вот бы выросло конфетное дерево, – размышлял Григорий. – Можно было бы тогда в столовую не ходить.

– Чтобы конфетное дерево выросло, надо не семечку, а конфету посадить, –

предположил Тихон.

Мы засмеялись. Ну, правда, где вы видели, чтобы конфеты росли на деревьях. Ещё скажите, что так можно ботинки посадить, как в одном стихотворении.

Миша нырнул себе в ранец и достал пакетик с конфетами. Милена разрешила ему всех угостить. Потом учительница подошла к карте и показала, где растёт конфетное дерево. Конечно, на нём не карамельки с шоколадками зреют, а тоненькие коричневые веточки, по вкусу похожие на изюм. Оказалось, бывают также земляничное дерево, и клубничное, и хлебное, и сливочное, и молочное...

Тогда мы опять размечтались, какое бы дерево выросло из этого семени. И Милена тут же объявила урок рисования, чтобы мы нарисовали каждый своё дерево. Мы усердно принялись рисовать и даже немного притихли. И тут Тихон неожиданно спросил:

– Как это они его так сделали? Из воды, воздуха и земли с огнём.

– Так не бывает, – ответил Юра. – Семена берутся из других растений, а не из воздуха.

– А другие растения? – отложила карандаш Мириам.

– Из семян, само собой, – ответил Юра.

– Нет, самое первое растение, оно откуда взялось? Или самое первое семечко? – набросились мы на Юру.

– Ну-у... Тоже из атомов, – выкрутился он. – Только из особых. Они, наверное, зелёного цвета и маленько живые.

Мы тут немного растерялись, потому что сложно так сразу представить маленькие живые атомы. Они почему-то никак не желали соединяться в смирные семена, а разбредались каждый сам по себе.

– А что, очень может быть, – кивнула Милена. – Сначала эти атомы были не такие живые. Вот как сейчас – нам даже не видно, как они двигаются. Но если семечко посадить в землю, полить водой, обогреть солнцем и дунуть свежим воздухом – оно оживёт.

Мы дорисовали каждый своё дерево и пошли сажать подарок. Куда? Конечно, в нашу таинственную комнату.

Второй класс всё заглядывал к нам в кабинет, узнать, почему мы на перемене не носимся по коридору. Но Слава объяснил, что нам вообще не до ляпок и чтобы приходили через недельку, может, угостим их конфетами. Или ботинками – смотря что вырастет.

В таинственной комнате было немного пустынно, хотя и Солнце с Луной, и звёзды – всё работало исправно, только съезжало по стене вниз, к полу. Даня набрала в свою леечку свежей воды и полила реку с морем, чтобы случайно не пересохли. Артём и Григорий поставили к стене упавшую вчера полку. Мириам разложила рассыпанные камни по красивым кучкам. Мы с Ириной взяли щётку и подмели пол вокруг земли. Мальчики сделали маленькую ямку, девочки положили семечко и полили его.

– И чё? – спросил Вадик, который хоть и не помогал, но и не мешал.

– Это хорошо, – ответил Рафат, и мы согласились.

Четвёрку мы стали учить тихо. Милена сказала, что, когда растёт растение, кричать и ругаться нельзя. От этого растение, да и вообще всё живое, может вырасти испуганное, кривое и без плодов.

Артём сидел насупившийся и время от времени заглядывал под парту, смотрел на свои ноги. Они были немного кривые, и теперь он знал почему.

– С четвёркой всё просто, – начала объяснять учительница. – Четыре стороны света: север, юг, восток и запад. Четыре стихии: земля, воздух, вода и огонь. Четыре времени года: весна, лето, осень, зима.

Мы нарисовали квадрат. И ещё крест. И цифру 4 с четырьмя уголками. Вспомнили, что у животных по четыре ноги. Четвёрка оказалась такой прочной, основательной, хотя и стояла на одной ножке, как флаг.

– Это мое любимое число, – Рафат старательно красил цифру зелёным цветом.

– А в Китае четвёрку не любят, потому что слово «четыре» на китайском похоже на слово «смерть», – сказала Милена, и мы пожалели китайцев.

– А в русском оно похоже на слово... слово... – Тихон задумался, и остальные тоже.

– Чёт, – подсказала учительница. – Чётный – это такой, который делится на две равные части. Если глубже будем копать, то есть такое слово «чета». В древнем русском языке это значит – «отряд» или «толпа». Получается, что четыре – это уже толпа.

Ещё оказалось, что в древности четвёрка писалась как буква Д с чёрточкой вверху. Мы написали Д и запомнили, что Д – это значит «Добро».

Домашнее задание было очень необычным. Практическая работа по добру. Но мы не торопились домой. Мы опять заглянули в нашу тайную комнату. Наша земля там, где не было камней, была покрыта маленькой травой. И деревце – пока чуть выше этой травы – оно проросло!

Глава десятая. Что бы такого сделать хорошего?

Мама готовила запеканку. Нас с папой она не пустила на кухню, а отправила делать домашнее задание про добро.

– Если я сделаю красивые сигареты – это будет доброе дело или нет? – размышлял папа.

– Нет, – ответила я. – Потому что много людей купят их, накурятся и умрут раньше времени.

– Но зато я получу за это деньги. И мы поедем к морю... – сказал папа, и мы дружно вздохнули.

– А если я пойду и скажу директору фабрики, чтобы он убирался со своими вонючими сигаретами? – не унимался папа, но тут я возмутилась, потому что это вообще-то моё домашнее задание: решить, убираться или нет, ой, то есть, решить, что такое добро и как его сделать. Но у меня ничего не придумывалось, и я стала смотреть в окно. Если бы я была фонарём во дворе, я бы включилась и начала светить, чтобы никто не запнулся. Если бы я была колыбельной песней, я бы полетела к тому малышу, что плачет, и помогла бы ему заснуть. Если бы я была осенним листочком, я бы красиво кружилась в воздухе, а потом упала на землю, прикрыв от холода какое-нибудь семечко или корешок. Получается, что добро – это делать своё дело и делать его хорошо. Но что должны делать маленькие девочки? Какие у них дела? Если бы я была маленькой девочкой, стоящей у окна, я бы... Я огляделась вокруг. Я подошла к папе и крепко его обняла. Крепко-крепко.

– Давай не будем ругаться с директором табачной фабрики, – предложила я. – Давай мы его по-доброму уговорим не делать вредные сигареты. Пойдём к нему и скажем, что

вместо вонючих сигарет можно делать что-нибудь другое, хорошее.

– Что, например? – оторвавшись от компьютера, спросил папа.

– Ну, витаминки. Или волшебные палочки.

– Гениально! – воскликнул папа. – У нас в городе нет ни одной фабрики, которая бы делала волшебные палочки! У него даже не будет конкурентов!

Тут он опомнился и с укором посмотрел мне в глаза.

– Какие волшебные палочки?

– Волшебные палочки бывают самых разных видов, – зашла в комнату мама. – Это только в сказках одна палочка может выполнить любое желание. Даже три. В жизни всё совсем не так просто! Для того чтобы отыскать в квартире привидение, нужна одна палочка. Если хочешь найти воду в пустыне – другая. Для поиска кладов – третья...

– Сто-оп! – строго сказал папа. – Не хочу слушать ни про какие палочки! А металлоискатели, кстати, с которыми ищут клады, у нас выпускает целый огромный тракторный завод! Как сопутствующий инвентарь к танкам. То есть к тракторам.

– Тогда пойдёмте ужинать, – миролюбиво сказала мама.

Я так и не поняла, получилось ли у меня выполнить домашнее задание.

Глава одиннадцатая, день пятый. Немного драки и сотворение всяких животных

Утро началось со ссоры. Рафат и Артём подрались из-за доброго дела – кому вытирать с доски. Может быть, в вашем классе этим никто не хочет заниматься, но у нас доска была не обычная, а цветомузыкальная. На вид – обычная, а начинаешь вытирать её влажной тряпочкой, остается разноцветный след. И музыка звучит в зависимости от твоих движений, то быстрая, весёлая, то плавная.

Остальные мальчишки хотели хорошее дело сделать – разнять Рафата с Артёмом, но как-то так получилось, что драка их затянула, и теперь они все махали друг на друга кулаками и орали. Мы тоже начали визжать и кричать, чтобы они перестали драться, а то мы их тогда побьём.

Хорошо, что это было перед самым звонком и Милена быстро пришла. Она взмахнула рукой, и мальчишки словно заледенели.

– Пусть остынут, – сказала учительница.

Ну и некрасиво же они выглядели. Маленькие, злые, испуганные, вцепились друг в друга. Мы обошли эту скульптурную композицию вокруг. Нет, не смешно, ужасно грустно было их рассматривать.

– Сегодня будем знакомиться с цифрой и числом Пять, – учительница встала к доске, а мы сели за парты. Только мальчишки всё ещё не шевелились. – Мальчишки нас прекрасно слышат, поэтому ничего не пропустят.

Милена показала ладошку, растопырив пальцы. Мы повторили. Странно было смотреть на свою ладонь. Будто мы раньше не замечали, что на ней пять пальцев. И если нарисовать галочку: V, то это похоже на ладонь: большой палец и все остальные. Так римляне и писали пятёрку. А мы пишем по-другому: 5 – пять уголочков. А говорим пять, потому что это древнерусское слово «пясть» – «кисть руки, кулак». С одной стороны у нас ладонь, а с другой – пясть. Пясть – забылось, а вот запястье осталось. Рука – пятёрка. И весь человек – тоже похож на пять: две руки, две ноги и голова.

Милена провела рукой над мальчишками, и они смогли двигаться. Кулаки у них разжались. Только Артём с Рафатом держали друг друга, как склеенные.

– Вы нас загипнотизировали! – догадался Юра.

– Что ты, – покачала головой учительница. – Вы сами себя заколдовали. Ведь в руках у людей целый воз волшебства. Можно добрые дела делать. Не зря при встрече друг другу руку подают – здороваются, показывают, что на доброе дело настроены. Или, когда о чем-то договариваются, ударяют по рукам, раскрыв ладонь! Прощаясь, машут рукой, желая

попутного ветра и гладкой дороги. А сжал кулак – вот и не выпустил добро, придавил лад, сломал всё хорошее. Теперь можете продолжать драться.

Но задиры по-взрослому пожали друг другу руки и расселись за парты.

– Я просто хотел первый с доски стереть, – пробубнил Артём, пытаясь отцепиться от Рафата.

– Я тоже хотел первый, – ответил Рафат и потянул в свою сторону.

– Хорошо, вместе будете первыми, – Милена посадила сцепленных мальчишек за одну парту.

– Мы что теперь, навсегда склеились? – испугались они.

– Не знаю, – призналась учительница. – Вы же не хотите друг другу уступить, значит, и не хотите друг друга отпустить.

– В столовую вместе пойдёте и домой тоже, – хихикнула Тоня. – Как мы с Таней.

– Только им ещё и в туалет вместе идти придётся! – добавила Таня. – Мы-то хотя бы туда по одной ходим.

– Зато оба первые! – повторила учительница.

– Ничё си-ибе! – сказал Вадик.

– Ещё чего! – заорал Рафат и снова попытался отцепиться от Артёма. Началась возня.

– Вы тут расклеивайтесь, а мы пойдём посмотрим, как там наше дерево, – сказала Милена. Она достала ключ. Мы уже привычно приподняли карту, открыли дверь и замерли, как мальчишки в драке. Только с разинутыми ртами и выпученными глазами. Наше дерево! Оно упиралось в потолок. Может, оно даже на чердак проросло, верхушки не было видно. Нет, не конфеты росли на нём. И не ботинки. И не яблоки с хурмой.

– Классное дерево, – сказал Никитка.

– Не просто классное... Мировое дерево... – прошептал Тихон.

Наше небо крепко держалось за ветви. Наши Солнце и Луна устроились на верхушке и больше уже не соскальзывали к полу. Звёзды повисли, как ёлочные шары. Корни крепко обнимали нашу Землю, покрытую шёлковой травой. От шевеления веток дерева родился ветер, тронул листья, и они зазвенели.

– К этой музыке надо бы птиц, – подумала вслух Мириам.

– К этой траве очень кузнечики подходят и ещё бабочки разные, – добавила Ирина. – И ещё цветы! Давайте наши букеты сюда занесём!

– Можно даже и корову, к этой траве-то, – предложила Света.

Юра засопел:

– Я не знаю, как коров делать, чтобы они живые были. Они ж ещё живее растений должны быть...

– Ну, давайте просто сделаем, чтобы какие-нибудь были, – предложила Рая. – Бабушка говорит: глаза боятся, а руки делают. И ещё: начало – половина дела.

И мы весь труд и ещё половину родной речи творили. Такого натворили! И бабочек, и жуков, и птиц, и зверей. Кто рисовал, кто из пластилина и глины лепил, кто из бумаги складывал, кто аппликации делал.

– Есть! Ещё один жук есть!

– А вот теперь и ящерицы есть!

– Зайцы, зайцы тоже! – раздавалось в классе.

Некоторых зверей мы смотрели на картинках, а некоторых делали из головы.

Рафат с Артёмом тоже попытались чего-нибудь натворить, но им было ужасно неудобно сцепленным.

– Всё равно всё на свете из одинаковых частичек-атомов сделано, – вслух размышлял Юра, разминая пластилин. – Просто они с разной скоростью двигаются. В камнях помедленней. В траве побыстрей, а в зверях – ещё побыстрей.

– Получается, – изумленно сказал Коля Ульянов, – что всё на свете живое? Всё живое? Учительница, не отрываясь от лепки, кивнула:

– Я думаю, что всё живое. Только кое-кому нечем думать про то, что оно живое. Вот оно как бы и неживое.

Мы населили таинственную комнату виданными и невиданными зверями и птицами, которые пока не знали, что они живые. Птиц мы посадили на ветки дерева, зверей расположили на земле, бабочек – на цветах. Червячка, которого кое-как сотворили Артём с Рафатом, прикопали у корней. Своего Индрик-зверя Милена поставила повыше, на полку. Получилось так хорошо, что нам не хотелось уходить.

Мы не стали плотно закрывать дверь. И через узенькую щель слушали, не догадались ли наши звери, что можно ходить, и бегать, и песни петь!

– Доставать тетрадку по русскому языку? – спросил Юра.

– Да мы, кажется, выучили сегодняшнюю букву. Это была Е. И зовут её «Есть». Придумайте фразу со словом «есть», – учительница написала Е на доске.

– **Есть**, товарищ командир! – закричал Слава и объяснил, что так говорят не когда кушать хотят, а когда готовы выполнить задание. Это «есть» что-то вроде «хорошо, слушаюсь, сейчас сделаю!».

– А я хочу **есть**, – сказала Света, – потому что сегодня суп в столовой был невкусный. И почему так: овощи все те же, атомы в супе, наверное, тоже одинаковые, но у тёти Вари-большой вкусно получается, а у тёти Вари-маленькой – невкусно?

– У меня **есть** предложение, – сказал присмиривший Артём, – взять пилу и отпилить нас друг от друга. Пускай Рафат вытирает свою доску хоть первым, хоть вообще всё время.

– Да не нужна мне твоя доска, – начал Рафат, но Милена напомнила, что в предложении должно быть слово «есть». – У меня есть... **есть**... чак-чак, хочешь?

Артём кивнул, а мы засмеялись, ведь Рафат не по-настоящему про медовые орешки говорил, а просто такое предложение получилось.

– Правда есть! – Рафат попытался забраться в карман и... руки послушались!

Он доставал и доставал сладости, словно у него карман был до пола. Всех угостил. И ещё несколько штук мы оставили в волшебной комнате. Потому что, когда наши звери поймут, что живые, им тоже нужно будет что-то есть.

У нас ещё осталось немного пластилина и цветной бумаги и десять минут до конца урока. Мы слепили Е.

– Если посмотреть на Е с обратной стороны, – сказала учительница, – то получится...

– Е наоборот! – закричал Слава.

– Да, и она называется Э. В русской азбуке эта буква не так давно появилась. Ей ещё и 300 лет нет. Немецкие учёные предложили ввести Э, чтобы удобнее было писать иностранные слова, ведь в русском слов на Э не было. Например, говорили не Это, а Енто. А если было нужно написать какое-то иностранное слово, которое начиналось со звука Э, писали через Ять – была такая буква. Многие умные русские люди считали Э уродом. Самый великий российский учёный – Михаил Ломоносов не стал включать её в нашу азбуку.

– Э-э-э-э... – сказали мы, и получилось как-то задумчиво, словно непонятно, «да» или «нет», есть или нет. – Сомнительная какая-то буква.

Рафат опять сунул руку в карман.

– Как-то я не понял... – рука стала липкая, к пальцам приклеилась бумажка. – Не сказать, что нет чак-чака, но и что он есть – я тоже не ручаюсь.

Света подала Рафату платок.

– Да ладно, все уже наелись, – махнул рукой Артём.

– Э-э-э, – неопределённо ответил Григорий.

А Тихон очень определённо сказал:

– Слово добро есть. Если дальше азбуку читать, то получается «Слово – добро есть».

– Слово – это добро, богатство, достояние, – расшифровала Милена.

– Мои слова – моё богатство! – спел Рафат. Он эту строчку по «Ретро-радио» услышал у папы в маршrutке.

Вот интересно получается. Богатство, а потрогать нельзя. И в магазине ничего не купишь. Но если бы пришёл злой волшебник и сказал: «Я тебе дам много-много денег, а ты мне за это все слова, которые знаешь», я бы не согласилась. Попробуйте несколько дней не

разговаривать и даже не думать словами и поймёте почему.

Глава двенадцатая. Зачем взрослым надо, чтобы мы боялись

После школы мы играем на школьном дворе. Пока родители или бабушки не приходят и не разбирают нас по домам. Потому что одним первоклашкам домой ходить опасно.

– Мне, знаете, как опасно одной домой ходить! – сказала Нора. – У нас во дворе возле мусорки собака огромная живёт. Ничейная. Сначала она была чейная, но они её выгнали. Мои папа с мамой её ужасно боятся. А когда они на работу уходят, я её печеньками кормлю. С балкона.

– Мне тоже опасно, – сказала я. – У нас во дворе, возле мусорки, дядька живёт. Он, правда, не очень огромный. Но тоже ничейный. Я пока не пробовала его печеньками кормить.

– Тоже мне, нашла опасность! – махнул рукой Артём. – У меня этих дядек под окном – сто, а может, даже тыща. Только они не возле мусорки, а возле забора. А забор возле завода, на котором водку с вином и пивом делают.

– Они что, подсматривают? – спросила Нора.

– Нет, они нюхают. Им там вкусно пахнет, – объяснил Артём. – А ещё из-под забора ручеек бежит. Они из него пьют.

– Это же вредно, – возмутилась я, – из луж пить. Козлёночком можно стать.

– Вот меня и не пускают одного мимо завода. Наверное, думают, что кто-нибудь из них станет козлом и забодает.

– А у нас возле дома совсем невкусно пахнет, – пожаловалась Тоня.

– У нас воняет. Мы возле завода живём, на котором дым делают, – продолжила Таня. – Может, там и ещё что-то делают, но мы не видели.

У каждого было что рассказать. У кого – про машины, которые стараются задавить, когда переходишь через дорогу. У кого – про большие ямы, которые выкопали, чтобы люди туда сваливались.

– Я вот не могу понять, – сказала Ирина, – ведь и ямы, и заводы, и ничейные собаки – это всё не само собой появилось. Это всё люди смастерили. А зачем люди так делают, чтобы им самим плохо было?

– Мы не делаем! – закричал Слава.

– Мы-то, конечно. Что мы, дураки, самим себе жизнь портить? – согласилась Света.

– Тогда получается, это взрослые делают? Наши родители, что ли? И наши тётки с дядями? Чтобы нам одним домой нельзя было ходить? – удивился Коля Ульянов.

Вот, честно скажем, не ожидали мы такого от взрослых. Если им хочется нас из школы встречать, ну просто так бы и сказали. А то начинают всякие гадости по дороге подстраивать и потом пугать.

Глава тринадцатая, день шестой. Как мы не стали творить человека

В субботу у нас нет уроков. В субботу у нас экскурсия. Вообще-то мы с удовольствием пошли бы в нашу лаборантскую, проверить, как там зверушки и дерево. Но нас уже ждал автобус. А за рулём сидел папа Рафата. Мы поехали в музей Человека. Некоторые, кто не выспался, ворчали, что, мол, можно было дома встать перед зеркалом и хорошенько себя рассмотреть – вот тебе и экскурсия в музей Человека. Но Милена сказала, что человек снаружи не такой интересный, как внутри. Тогда Даня заплакала, подумав, что в музее всех будут разрезать и показывать, у кого что внутри. Пришлось остановить автобус и купить сладкой ваты. Во рту всё слиплось, и Даня больше не могла плакать, а только шмыгала носом.

– Раньше люди не умели плакать, – посмотрев на Даню, начал экскурсию директор музея Человека и, получается, – Главный Человек. – Потому что, если бы они заплакали, то сразу бы размокли.

Даня испугалась и перестала даже шмыгать.

– Самых первых людей делали из маисовой муки и из глины. Само собой, такие люди после первого дождя совершенно расквасились. Тогда те, кто мастерит людей, решили поставить человека в печку, как это делают с горшками, чтобы они стали крепкими. И что вы думаете...

Мы подошли к стенду, где стояли три глиняных человека: белый, чёрный и жёлтый.

– Первого недожарили – так получились белые люди. Второго пережарили – так получились чернокожие люди. Зато третьего сделали в самый раз – золотистого, жёлтого. Так получились китайцы.

– В энциклопедии написано, что человек сделан не из глины, а из обезьяны, – сказал Юра.

– Конечно, и такое случается! И из обезьяны, почему нет, – охотно согласился Главный Человек, показав экспозицию, как постепенно обезьяна выпрямлялась, училась держать палку и становилась человеком. – И из обезьян, и из бобров, кстати, тоже. И даже из вшей, что ползали по великану Пань-Гу. Некоторые люди произошли от медведей. Некоторые – от волков и орлов.

– Ничё себе! – сказал Вадик.

– Так мы же не похожи на орлов, – не поверил Коля Ульянов.

– Само собой, – опять охотно согласился директор. – Снаружи мы не похожи на орлов или бобров. Зато внутри некоторые очень даже похожи. Кто на орлов, кто на волков, кто на дятлов. Ты вот на кого внутри похож?

Коля растерялся, глядя внутрь себя. Там было пока темно, не рассмотришь, на кого.

Тогда директор повёл нас к большому зеркалу. И мы стали смотреть, на кого мы похожи.

– Смотрите-ка, – удивленно сказал директор Милена, рассматривая наши отражения, – бобров среди них нет.

– Это особенные дети, – объяснила учительница. – Они сделаны по образу и подобию... – она что-то прошептала на ухо Главному Человеку.

Брови у директора сдвинулись далеко вверх. Он сказал:

– М-м-м. Вот оно, оказывается, в чём дело... А они об этом знают?

Милена пожала плечами.

– О чём, о чём мы знаем? – Тоня, наверное, опять была готова лопнуть от любопытства.

Но учительница молчала, рассматривая нас в зеркало.

В зеркале мы видели только самих себя. Хотя Юре вроде бы показалось, что причёска у него похожа на гриву льва, а Рафат отыскал у себя орлиный нос. Впрочем, это и без зеркала было заметно.

– Тогда перейдём непосредственно в мастерскую, – решительно сказал директор музея. Мы пошли за ним в длинный кабинет с длинным столом, на котором чего только не было. Директор показывал на прозрачные пакетики и перечислял: 70 видов простейших химических элементов, соли, вода... На отдельном листке распечатка схемы сборки белков. На другом – аминокислот. Мы не очень поняли, что здесь за свалка.

– Это то, из чего сделан человек. Мы можем сами сейчас сделать человечка. Настоящего, живого, – по-простому объяснила учительница.

– Ух ты! – закричал Слава. – Пусть он у меня дома живёт тогда!

– Хитрый какой, – не согласились остальные. Всем хотелось дома живого человечка.

– Пусть он живёт у нас в таинственной комнате! – придумала Света. – Вместе с животными.

Мы все обрадовались и закричали «ура!».

– Давайте сделаем принцессу! – предложила Мириам. И девчонки сразу принялись обсуждать, какого цвета волосы и глаза должны быть у принцессы. И, главное, платье с короной! Ведь только от платья с короной зависит: принцесса ты или обычная девчонка.

– Только не принцессу! – не согласился Григорий. – Вы что, хотите стать слугами? Ведь принцессе надо прислуживать.

– Давайте сделаем супермена, – предложил Артём. – Чтобы он летать мог и бандитов ловить.

С «летать» все согласились, потому что здорово, когда человек летает.

– Бандитов у нас там ещё нет, – напомнил Григорий.

– Тогда пусть злых животных ловит, – не сдавался Артём. – Тех, которые его кусать будут.

Но мы возмутились, потому что мы вообще злых животных не делали, все они хорошие, и не надо никого ловить.

– Ага! А чем он тогда будет питаться? – поддержал Артёма Никитка. – На дереве-то ещё ничего не созрело.

– Мы пчёл заведём, пусть ест мёд, – предложил Коля.

– А пусть он, как растения, ест солнечный свет, – предложил Юра. – Надо только предусмотреть фотосинтез...

– То есть он тогда зелёного цвета будет, – Милена не могла остаться в стороне от нашего бурного обсуждения будущего человека. Порывшись в пакетиках, она нашла объяснение, как устроен фотосинтез.

В конце концов, мы обо всем подумали. Это должно быть такое чудесное суперское существо, такое-такое...

Директор музея Человека выслушал наши пожелания и сказал:

Мы закивали, директор подошёл к компьютеру и набрал наши требования для

будущего человечка.

– Примерно так он будет выглядеть, – Главный Человек повернул экран. Там была изображена бактерия, только очень крупная.

Мы притихли. Мы не умели летать или жить под водой, как она. И мёрзли, если холодно. Мы чувствовали боль. И жили не по тысяче лет. Но что-то никто не хотел бы стать бактерией. Наверное, наш человек-бактерия тоже был не в восторге, что его таким выдумали. Монитор мигнул и погас.

– Мы это... самое главное забыли, – сказал Юра. – Нужно, чтобы он мыслить умел. Разговаривать там, шутки понимал.

Я добавила:

– И читать чтобы умела бактерия эта. Рисовать тоже. И другие красивые вещи.

– Если мозг есть, то научится. Надо как-то мозг ей сделать, чтобы как у нас... Тогда она и шутки будет понимать, и радоваться будет, – воодушевился Юра.

– Ага, а если ему вообще не понравится, какого мы его сделали. И вообще не понравится жить в нашей таинственной комнате... – Нора отодвинула от себя мешочки.

Мы опять примолкли.

– Давайте тогда не будем делать человека, – Ирина тоже отодвинула мешочки.

– А если он огорчится, что его не сделали? – испуганно сказала Нора.

– Ты уже замучила, – честно признался Никитка.

– Как он может огорчиться, если его нету! – закричал Слава. – Ему огорчаться нечем!

Зато нам было чем огорчаться. Мы сидели за столом грустные. Мне захотелось, чтобы сейчас Милена устроила какое-нибудь волшебство, чтобы человечек появился сам по себе, такой, каким он сам хочет быть. Взял бы и сам себя построил!

Она же, наоборот, сказала, что, возможно, мы слишком поторопились. Что не надо пока делать человека. Потому что мы пока ещё ничему его научить не можем, только счёту до пяти. А необразованному жить в нашем мире трудно, даже в таинственной комнате. Ведь, если он у нас поселится, он сказки почитать захочет, и парк с каруселями сделать, и парусник, чтобы путешествовать. Он, наверное, захочет дом построить, и песни петь научиться, и на музыкальном инструменте играть. А может, он к звёздам решит полететь, будет мечтать разговаривать по-звериному и птичьему, захочет посмотреть, что в самой середине земли, и понять, как всё устроено и зачем мы его сделали. А разве с этим без знаний справишься?

Конечно, мы слегка опечалились. Может, такой случай раз в миллион лет выпадает, чтобы ты сам мог человека сделать.

– Не кручиньтесь, – сказал на прощание директор музея, дядя Адам. – У всех, кто в наш музей приходит, рано или поздно человечек получается. Даже несколько. У родителей спросите. Они тоже, когда в школе учились, все к нам приходили, чтобы познакомиться с происхождением человека.

Мы ехали немножко грустные в автобусе. Ведь столько ещё ждать. А Милена, чтобы нас развлечь, стала рассказывать детективную историю.

Глава четырнадцатая. Мёртвые буквы. История с погоней и почти убийством

Многие люди видели этого человека. Он ходил по городам и сёлам и рассыпал крошки вокруг министерства образования, типографий, библиотек и школ. Но никто не насторожился.

– Ха-ха-ха-ха! – говорил он при этом, а потом тихим голосом добавлял, словно звал кого-то: – Ё-ё!

Но и это никого не удивило. Потому что волшебник был без своего чёрного плаща. Он надел маскировочный костюм бродяги с помятой шляпой. Подумаешь, нищий ходит и разбрасывает крошки. Может, он голубей кормит. Или белочек.

А ночью возле этих крошек началась какая-то возня. Впрочем, и на это никто бы не обратил внимания, если бы не детский поэт Ёлкин. У поэта недавно родился сын Лёва. И Ёлкин укачивал сына на руках, читая стихи. И тут Ёлкин почувствовал, что ему не хочется стихов, а хочется бутерброда с маслом, а лучше с маслом и сыром. И ещё с колбасой сверху. Поэт положил малыша и пошёл на кухню. Он съел эти два бутерброда, и ещё суп, что остался от обеда, и старую сосиску, и всё детское питание со дна баночек.

– Какой-то я не Ёлкин, а Елкин – ел, ел, а мне всё мало, – пробормотал поэт, вываливаясь из-за стола.

В это время под шкафом, где спал в коробке домашний ёжик, зашуршало. Но вместо острого носа и колючей шубки поэт увидел нечто странное. Ёжика словно подстригли под машинку.

– Ой! – потёр глаза поэт. – Говорят же, не надо наедаться на ночь... А ночью есть тем более вредно.

Ёжик всхлипнул:

– Я теперь не ёжик, а ежик...

– Точно: сплю, – сделал вывод поэт, подмигнул ежику и пошёл в кровать. Но даже во сне он решил проверить, хорошо ли укрыт малыш.

Но в кроватке сладко посапывал... лев.

– Какой глупый сон, – вздохнул поэт, – примитивные образы. Ёжик-ежик, Лёва-лев. Даже не складно. Это не делает мне чести как поэту.

Он отвернулся от кроватки со львом к окну. И тогда-то заметил, что для ночи за окном слишком шумно. На улице ходили птицы с длинными клювами и склёвывали насыпанные волшебником крошки. С каждой парой крошек, как оказалось, исчезала буква Ё.

– Что такое! – возмутился поэт, всё ещё думая, что он спит. – Кыш! Как я буду сочинять стихи, если не будет Ё? И лев вместо сына мне совсем не нужен!

– Да ладно, – сказал волшебник, приземлившись к поэту на подоконник, словно он обычный Карлсон, только что без пропеллера, – обойдётся как-нибудь.

– А тебе она зачем? – удивился поэт. – Что ты с ней будешь делать?

Волшебник молчал и только посмеивался. Он-то знал, на что годится такая чудесная буква, внутри которой можно спрятать сразу два звука. Не зря раньше вместо Ё даже писали сразу две буквы. Брели, например, И, которая называлась И десятеричное, а после неё

писали О, вот так: Ю – Юлка. По-современному – Ёлка.

– Нет, я всё-таки выясню, зачем ты стащил у людей Ё! – сказал поэт. Но волшебник махнул рукой, превратив мятую шляпу в острый колпак, и скрылся в темноте.

Вы думаете, поэт схватил лупу и порошок для отпечатков пальцев, а потом бросился в погоню? А вот и нет! Он взял лупу, порошок для отпечатков пальцев, открыл книжный шкаф и принялся.

– Эх, собаку бы мне, она бы учуяла следы буквы Ё гораздо быстрее, – сказал поэт.

На полочку забрался ежик, поводит чёрным носом и ткнул в нужное место. Поэт сразу же вытащил указанную книгу. Из нее буква Ё пока не пропала.

– «Буква Ё родилась в России 200 с небольшим лет назад. До этого звуки, похожие на Ё, писали разным способом», – вслух прочитал поэт... – Ой! Стой! Исчезла! Склюнул даже отсюда! Так, ежик, ищи дальше!

Ежик побежал вдоль книг, затем забрался на самую дальнюю полку, где хранились старые издания.

Поэт, подставив табуретку, достал указанную книгу.

– «Пошёл» раньше произносили как “пошэл”, и писали после ш букву е. Прочитай слово: ПОШЕЛ...»

Но и тут Ё исчезло. Зато на страницах что-то зашуршало, и сквозь строчки протиснулась на ладошку поэту странная буква. Вроде бы на мягкий знак похожа, но с длинной палочкой, а через палочку – чёрточка, как крестик получился.

– Ты кто? – удивился поэт.

– Ять, – ответила буква. – Меня надо произносить как среднее между Е и Я, это похоже на долгую Э. Я раньше в словах писалась: хлѢб, лѢс.

– Что-то я тебя никогда не встречал, – поэт навёл на Ять лупу.

– Понятно, я же мёртвая, – вздохнула Ять. – Нас тут много таких. У волшебника мы теперь, в невидимом волшебном мире: между строчек. Вот и буква Ё скоро к нам придёт. Ей памятник уже поставили.

– Где? – удивился поэт.

– В городе Ульяновске. Прямоугольная плита из коричневого мрамора.

– И тебя волшебник убил? – спросил поэт у Ять. – За что?

Ежик фыркнул, а затем чихнул. Наверное, у него началась аллергия на мёртвые буквы.

– Никто меня не убивал. Меня люди выгнали из азбуки. Ты, говорят, теперь лишняя, мы вместо тебя просто букву Е будем писать. А волшебник меня подобрал. Он всё подбирает, что люди выбрасывают. Я ведь самая волшебная буква.

– Как – волшебная? – удивился поэт. – Ну-ка покажи, что умеешь!

Ять кивнула.

– Вот ты сейчас кто?

– Человек, – немного подумав, ответил поэт.

– Правильно. «Чело» – это «лоб». А «век» – это 100 лет.

– Ну ладно, это я знаю, – поторопил букву поэт.

– А если знаешь, тогда и должен понимать, что, получается, ты сейчас – «столетний лоб».

Поэту не очень это нравилось. Плечи у него как-то сами собой опустились, спина сгорбилась.

– А теперь: раз, два, три! На Ять смотри! – скомандовала буква. – Теперь ты стал человекѢкѢ. Раньше «чело» означало верх, возвышенность. ВѢкѢ – это тебе тоже не 100 лет, это родственник слову вѢчно. А ещё вѢкѢ – «сила». Про слабого и больного говорят: у него уВѢЧье – нет века, нет силы и здоровья. Ещё есть такое выражение: «на нашем веку», то есть – на нашей памяти. Значит, вѢк – это ещё и память. Теперь ты не просто лоб, а высшая сила, обладающая памятью. ЧеловекѢк – так всех умных людей называли. Они собирались на вѢче, чтобы принять важные решения. А все остальные были – не человекѢки, а просто люди.

– Простолюдины, значит, – перевёл на современный язык поэт и ударил себя по лбу. –

Так вот почему у нас в жизни всё не так, как нам хочется, а у волшебников в сказках, наоборот, все желания сбываются! У них пустых слов нет – всё что-то значит! Если так написано – так и будет, решено! А нам, чтобы поумнеть, нужно теперь учиться читать между строк!

– Раньше говорили: «Он знает на Ять», – то есть отлично знает, всё знает, – продолжала Ять. – А сейчас люди толком ничего не знают. Им лишь бы попроще, полегче. А я буква трудная. Волшебство вообще лёгким не бывает. Выгнали меня, и что получилось: волшебные слова ничем не отличаются от простых, русские не отличишь от иностранных!

– И много ещё там, между строчек, таких же выгнанных букв? – спросил удивлённый поэт, стараясь сквозь лупу разглядеть хоть одну.

Между строчек опять произошло копошение, и на свет вылезла целая толпа.

– Это семейство – Еры. А это – Юсы, – представила Ять.

Буквы скромно поздоровались и выстроились в линеечку. К ним присоединились Омега, Кси, Пси, Фита, Ижица.

Поэт от удивления свалился со стула, книга упала, и буквы, попискивая, втиснулись обратно.

– Нет, ты видел, видел! – обратился он к ежику. Но ежик только фыркал. И не было в языке букв, чтобы очень точно изобразить на бумаге это фыркание.

Поэт принялся брать книги наугад, трясти их, но исчезнувшие буквы больше не появлялись. И вдруг среди привычных букв он заметил букву Ер!

– Смотри, смотри, нашёл! Ты – Ер. А вы – Еры, – обратился он к мягкому и твёрдому знакам.

Знаки промолчали. Да, они писались так же, но теперь были всего лишь знаками. Их лишили голоса! А ведь раньше, лет тысячу назад, они звучали. Мягкий – похоже на И. Твёрдый – что-то среднее между У и Ы.

У поэта опустились руки. Ему хотелось взять в руки любое слово с этими знаками и приласкать, прочитать так, как тысячу лет назад: ночи, мыши, пяти... А день и вовсе был днь – дини.

Но люди так торопились говорить, что стали пропускать некоторые буквы, вроде бы и без них понятно!

А волшебник – не будь дурак, забрал их себе! И теперь живёт припеваючи, с волшебством-то.

Поэт вскочил, растолкал льва и крикнул:

– Вперед, мой дорогой Лёва! Может быть, хотя бы букву Ё мы успеем спасти!

Лев рыкнул и бросился к подоконнику. И они весь остаток ночи носились по городу, отгоняя птиц от точек над Ё.

Вернувшись домой, поэт во всех рукописях расставил точки над Ё. В кроватке у него спал сынок Лёва. Под шкафом сидел ёжик.

– Ёлкин, – заглянула в кабинет выпавшаяся жена Женя, – почему у нас все книги из шкафа вывалились?

Но поэт, набегавшись, только всхрапнул во сне. А утром даже не мог понять: приснилось ему это всё или было по правде. Он подошёл к зеркалу и долго в него смотрел. За ночь он, кажется, раздался в плечах. И стал как-то умнее лицом. В ушах только почему-то звенит. Поэт потряс головой. Зазвенело чуть громче, и можно было разобрать: Скрытый, Крылатый, Сокровенный, Вечный, Солнце, Постичь, Целый, Верно, Вовеки... Может быть, именно это означали имена изгнанных древних букв?

Глава пятнадцатая, день седьмой. Выходной. Неделя, значит

В субботу мы делаем генеральную уборку. Не знаю, причем здесь какой-то генерал. Наверное, если придёт генерал Армии чистоты и решит отыскать у нас хоть одну пылинку, то ничего у него не получится.

– Правильно говорить «гениальная уборка», – объясняет мама. – «Гений» – это дух человека или местности. Типа ангела. Чем чище вокруг: внутри квартиры или внутри человека – тем гений красивее и чище. Это древние римляне ещё заметили. Так что какую уборку сделаешь, такой рядом с тобой будет гений: чистый или не очень.

– «Гений чистой красоты», – сказал папа. – Вот мой идеал.

И он заглянул за компьютерный стол.

Я осторожно приоткрыла дверь своего шифоньера. После маминого объяснения всего можно ожидать. И действительно, в углу сидел лохматый чертёнок с моими не самыми чистыми носками на рогах. Не очень-то симпатичный у меня гений. Папа тоже что-то тихо ворчал, подкатив пылесос к компьютеру.

Закончив уборку, мы печём пироги. Мама говорит, что она, конечно, могла бы их и

наколдовать, но глупо тратить волшебную силу на то, что ты можешь сделать руками. Потом мы отмокаем по очереди в ванне. Затем садимся за стол и, еле-еле шевеля руками, пытаемся есть пироги. Папа ворчит, что это несправедливо, что мама со своей уборкой нас специально так замучивает, чтобы мы поменьше пирогов съели. Чуть живые, мы падаем в постели и засыпаем под густой пироговый запах, вкуснее которого мало что есть на свете. А потом приходит воскресенье. И хотя можно спать до обеда, я встаю раньше всех. Папа говорит, это потому, что у детей батареечки внутри ещё свежие и подзаряжаются быстрее, чем у взрослых.

И вот тут начинается самое скучное. Мне нечего делать. Вообще-то родители обещали пойти в парк, но только после того, как они отоспятся за всю неделю. Книжку я почитала, на понедельник в школу собралась. Сейчас вот диск поставлю, музыку послушаю... Это, кстати, уметь нужно – ничего не делать. НЕ ДЕЛАТЬ – неделя, значит. Так раньше первый день недели назывался. Сейчас он стал последним – воскресеньем. Впрочем, у многих наших знакомых (украинки бабушки Олеси, хорвата дяди Бояна, у которого мы отдыхали в прошлом году; маминой подруги болгарки Стойки Стояновой) на их родных языках этот день недели до сих пор так и называется – неделя. И поэтому понедельник – это тот, что после недели. Вторник, само собой, потому что второй. Раньше говорили – второк. Среда (среда) – она вроде бы должна быть посередине. Может быть, раньше неделя состояла из пяти дней? Или из шести. Тогда среда – середина рабочей недели. Рабочая неделя ещё называется будни. Наверное, потому, что в эти дни не поспишь, сколько хочешь, тебя всегда будят на самом интересном месте. Четверг – четвёртый, четверток. Пятница – пятый день недели, пяток. Это был выходной день. Он-то и назывался в древности НЕДЕЛЯ. В этот день нельзя было прясть, землю пахать, стирать и купать детей. А потом добавились суббота с воскресеньем. Надо бы не суббота, а шесток или шестерник. Но я догадываюсь, что это не местный день, поэтому и название непонятное.

– Здравствуйте. Говорит Израиль, – вдруг донеслось с диска, где вообще-то должен быть записан спектакль «Колобок и два жирафа путешествуют по свету».

«Может быть, это Колобок говорит? Или жирафы...» – подумала я.

– Нет, я не Колобок, – тут же ответили с диска. – Я Израиль. Страна такая. Маленькая. Но важная. Такая, что может дарить слова другим странам. Суббота – это наше слово «шабат», а «шабат» означает: «день покоя».

– Получается, в Израиле в субботу все спокойные? – спросила я у диска, то есть у Израиля, хотя это выглядело немного глупо.

– У нас в этот день выходной, отдых, – объяснил Израиль. – Настоящий выходной, у всех. Автобусы не ездят, хозяйки еду не готовят, никто не включает телевизор, не нажимает кнопки лифта. Даже вещи с одного места на другое переносить нельзя. Короче, никто ничего не делает. Мы берём пример с нашего Бога. Он, когда всё сделал: землю, небо, день и ночь, солнце и звёзды, растений, животных и человека – сказал: «Всё, шабат!». Хватит, то есть. И стал отдыхать.

– Повезло ему, – вздохнула я. – А у нас суббота – самый трудный день. У нас генеральная уборка и помывка. Мы в субботу чуть живые. Вернее, почти мёртвые... Шевелиться в конце дня не можем.

– Если даже шевелиться не можете, то это тоже, кстати, «покой»... Слышала слово «покойник»? – продолжал голос с диска. – А что помывка – оно правильно, в некоторых языках субботний день называют «день омовения».

И тут с диска раздалось плескание воды. Словно там, внутри, кто-то купался. Из проигрывателя даже пар пошёл, и запахло берёзовым веником.

– Израиль... – позвала я.

– Не, это я, Купала, – ответили с диска. – Праздник такой в древности у славян был. Когда все купались. Его называли соботкой, событием, значит.

– На субботу похоже! – сообразила я. – А что же тогда значит воскресенье?

Из колонок доносились только шлепки веника.

Я начала шагать по комнате туда-сюда и думать. Вос-крес-енье. Что такое «крест», я

знаю, но причём здесь день недели? Палочка по горизонтали, палочка по вертикали. Причём здесь наш выходной день? Я начертила крест на листочке, поразмышляла, украсив его загибулинами. Крест завертелся и съехал с бумаги. Он крутился всё быстрее и быстрее, в конце концов от него полетели искры.

– Пожар! – крикнула я.

– Нет, Зонтаг! – на вертящемся кресте стоял необычный мужчина, и зонтик он вовсе не напоминал.

– Какой зонтик? – спросила я, пытаюсь вспомнить, что нужно делать при пожаре в первую очередь: бежать за водой или к телефону.

– «Зон» – значит «Солнце». «Таг» – «День». День Солнца – так многие народы называют день, про который ты говоришь «воскресенье», – объяснил странный гость. На его голове проросла золотая корона.

Теперь я поняла, что у меня в детской настоящий Царь-Солнце. Я изобразила книксен: слегка согнула ноги, как делают в мультиках, если встречаются короля.

– Присаживайтесь, Ваше Величество... – сказала я и тут же прикусила язык. Ведь если он присядет, то точно что-нибудь загорится!

– Я не присаживаюсь, – ответил Царь-Солнце. – У меня попы нет.

– Это хорошо, – обрадовалась я, удивившись, что король так запросто может говорить

слово «попа». – Но как вы тогда отдыхаете?

– Я не отдыхаю, – Царь-Солнце умудрялся вертеться вокруг своей оси, но его золотые глаза всегда оставались на моей стороне. – Я умираю и возрождаюсь. Ночью для вас я умер. Днём – родился. Зимой – умер. Летом – возрождаюсь. В субботу умираю. В воскресенье воскресая. Знаешь, что означает слово «кресс»? Огонь. Чтобы его разжечь, нужно было специальное приспособление – кресало. «Кресать» – высекать огонь. А «кресить» – оживлять.

Царь-Солнце показал мне спичку.

– Нет огня! Умер! А сейчас мы его оживим, – он дунул, и на тёмной головке спички заплясала искорка.

– На русском языке не говорят «солнечный день» или «огненный день», а говорят – воскресенье.

– Здорово! То есть, прошу прощения, как это прекрасно, Ваше Величество, – я опять изобразила поклон, – что вы всегда возрождаетесь, а не умираете насовсем! Без вас было бы ужасно грустно и темно.

– Что за глупость ты говоришь, – Царь-Солнце сердито вспыхнул короной. – В мире ничто не умирает насовсем, всё всегда возрождается.

Я подумала, что с королями ужасно трудно вести беседу, они всем недовольны, почти так же как папин заказчик с табачной фабрики. А ещё я вспомнила хомячка, который жил у меня три года назад. Он-то уж точно не возродился! Папа закопал его на бабушкиной даче. Я сказала царю про Хому.

– Глупое дитя, – обозвался Зонтаг. – Возродиться можно не обязательно в том виде, в котором ты существовал. Если бы так было, то из семян выростали бы не деревья, а одни только семена! А гусеница никогда бы не стала бабочкой.

Не слишком понятно объяснялся Царь-Солнце, но в воздухе повисла, словно мираж, картинка: часть моего Хомя стала травой, траву съела бабушкина коза, молоко от козы Пустыни Рогатовны пили все. Так, получается, что какая-то часть моего хомяка есть и во мне? Я просто оторопела от этого известия, почти как Коля Ульянов.

Становилось всё жарче. В глазах у меня потемнело. Когда родители проснулись и заглянули в детскую, я лежала в кровати, сладко спала и смотрела сны. Почему я раньше не замечала, что сон – это чуть приоткрытая дверь в тайную комнату? В другую тайную комнату. Мой хомяк, мой дедушка и другие родственники были там, за этой дверью. Я постояла перед ней и вернулась домой.

– Ну и странный мне сон сегодня приснился! – сказала я родителям.

Мама открыла шторы. Воскресное солнышко заглянуло в окно и подмигнуло мне.

Глава шестнадцатая. Шерстяная Шестёрка и Жизнерадостная Ж

Не зря говорят, что понедельник – тяжёлый день. Вернее, сначала всё было хорошо, а потом к нам на математику пришёл завхоз. Мы как раз учили шестёрку. Рисовали её в разных видах, запоминали, что кружочек у неё внизу, а кончик хвостика указывает направо. Шестёрка очень похожа на Б. Ещё похожа на метеорит, что падает с неба вниз. Артём нарисовал из б голову горного козла. Я превратила б в девочку, у которой косичка торчком. Ирина нарисовала новогоднюю игрушку, которая очень раскачивается на ёлке. Юра заметил, что б похожа на запятую, только вверх ногами.

– Запятая... – задумчиво сказала учительница. – Что-то мне это слово напоминает.

– Та, которая за пятой! За пятой – после пятой! Шесть, получается, – догадался Тихон, который умел разворачивать слова, словно это были конфеты в обёртках.

– Но слово «шесть» совсем не похоже на слово «запятая». Слово «шесть» очень похоже на слово «шерсть», – сказала Нора и превратила шестёрку в лохматого то ли медвежонка, то ли зайчика.

– Ещё оно похоже на «ще-есть», то есть ещё есть, – добавила учительница, спрятав

одну руку за спину. – Ну, будто бы мы на одной руке уже закончили пальцы считать, а вот вам, пожалуйста, ещё есть!

И она, словно фокусник, достала из-за спины вторую руку, чтобы мы убедились: правда, есть ещё.

И тут распахнулись двери.

– Здравствуйте, дети! – громко сказал большой дядечка, зайдя в класс. Мы встали и поздоровались.

– Не бойтесь, – сказал он, и мы, конечно, после этого немного забоялись, хотя ещё и непонятного чего.

– Меня зовут Михаил Иванович Велесов. Сейчас я буду вам рассказывать технику безопасного поведения в школе. Потому что я за неё отвечаю на полставки. И со всей серьёзностью могу вам сообщить: в школе много опасностей. Итак, ученикам нашей школы строго запрещается бегать по лестницам и ломать ноги, открывать окна и вываливаться из них...

Он говорил и говорил, а глаза у нас слипались и слипались.

– Опасно поджигать учебники и дневники...

– Хлоп-хлоп-хло-оп... – мы моргали всё медленней и медленней.

– Опасно бросать портфели без присмотра...

– Хлоп-хлоп...

– Опасно спускаться в подвал...

– Хло-оп...

– Потому что там сидит прикованный цепями к отопительным батареям Кащей Бессмертный.

– Что? – очнулись мы.

Завхоз смотрел исподлобья. У него были ужасно густые хмурые брови и волосатые руки.

– Повторяю: в подвале стоит трансформатор, и нечего туда лазить...

– Хлоп...

– За школьным стадионом, у мусорки, живет Хворст, что немощи насылает и болезни, сунетесь туда – схватит, скрутит... У медкабинета сидят сёстры Лихоманки, можно заразиться...

У Михаила Ивановича оказались огромные острые когти...

– Что???

– Повторяю, на мусорный контейнер не забираться...

– Хлоп-хло-о-оп...

– В углу раздевалки притаился Переруг, если вас туда кто заманит, перессоритесь до слез...

– Почему?!

– Ещё раз говорю, нечего по углам отираться. И последнее. На чердак забираться крайне воспрещается...

– Хло-о...

– Кого там только нет, бывает, что и змеи разные залетают, то Горыныч, то Василиск, то Аспид...

Вдруг у Михаила Ивановича вместо человеческой головы появилась медвежья. Даня испугалась и заплакала, а Серёжа, вздрогнув, громко упал со стула, в этот раз очень даже вовремя. От грохота мы все очнулись и принялись тереть глаза.

– Я рад, что вы с таким вниманием меня выслушали, даже не шумели. А ещё желаю вам хорошо учиться! – улыбнулся нам завхоз и ответственный за безопасность на полставки. – Потому что хорошо учиться и слушаться учителей – это для вас сейчас самое главное.

Мы не нашли что ответить. Нам было немножко стыдно, что мы уснули среди урока. В дверях Михаил Иванович помахал нам рукой. Никакая она у него не волосатая. Обычная рука. И с головой всё в порядке.

– Хорошо учиться и слушаться, – повторил он. – Потому что иначе вы превратитесь...

Учительница закрыла двери, и мы не услышали, в кого превратимся, если будем плохо учиться.

– Страсти какие-то, – пробормотала Ирина.

– Да ничё не страшна, – сказал Вадик. – Падумаишь.

– Я вот тоже ничего не боюсь, – сказал Артём. – Они же не живые, все эти страшилища, они же сказочные или только во сне бывают.

– Давайте букву Ж будем учить, – предложила Милена. – А то мы уже отстали от программы. А когда такое случается, комиссия с проверкой приходит. Это пострашнее Кащей Бессмертного.

Мы стали учить Ж, у которой оказалось 6 уголков, и имя «Живите» или «Жизнь». Нам немножко повеселело от этого. Ж – самая весёлая буква, похожа на жучка.

Но тут нас опять прервали. На этот раз пожаловала завуч.

– Технику безопасности прослушали? – спросила она. Мы кивнули.

– Никогда не лишним будет повторить, что... – и тут завуч опять начала рассказывать, как себя нужно вести. Наверное, она была ответственной за безопасность на вторые полставки.

– Здороваться не забывайте. Проходя мимо кабинета музыки...

На нас опять навалился сон, придавил головы к партам.

– ...не забудьте Лялю поприветствовать, «ля-ля-ля» скажите. У математики с Числобогом поздоровайтесь. Возле медкабинета Берегиням поклонитесь. В актовом зале Гамаюн раз в четверть сказки рассказывает, в другое время прошу не беспокоить.

– Да некогда нам, Варвара Сергеевна! – взмолилась Милена. – Нам бы от программы не отстать!

Завуч сердито посмотрела, хлопнула крыльями, но, разрешив дальше заниматься, вышла из класса. Только пёрышко у двери закружилось. Мы потёрли глаза. Перо исчезло, зато «Ж» ползала по доске, и учительнице никак не удавалось поймать букву и поставить в серединку, чтобы мы её срисовали.

– Это Ж – она очень... очень живая, – прыгая от одного края доски к другому, пыхтела учительница. Мы соскочили с мест и тоже стали ловить Ж.

– «Жить» – в древности означало «быть», «существовать», – Милена умудрялась даже между прыжками объяснять нам новый материал.

– А в сказках говорят: «жили-были», это, получается: были-были? – спросил Тихон. Мы загнали Ж в самый угол доски и прижали её там.

– Это, получается: были-существовали, только очень давно, – Милена взяла букву за лапку. – А ещё «жизнь» и «живот» были одним и тем же словом.

– А живот тогда как назывался? – посмотрев на свой пузик, спросил Григорий.

– Брюхо или чрево. Чрево – живот изнутри, а брюхо – снаружи. А от слова «живот» получилось слово «животные, животные». Без животных человеку было трудно выжить. В лесу – звери, в поле работает – скот, а в доме – животные.

– Ой, у меня бабушка говорит: «Богат Мирошка, а животов – собака да кошка», – вспомнила Рая. – Мирошка – это Мирон – мой дедушка.

– Ещё есть слово «жила» – это тоже с жизнью связано. Чтобы выжить, нужно было напрягать жилы, стараться. Пшеницу, ячмень, просо называли – «жито» – без них тоже жизни нет. А место, где жили, – жить.

– А я вспомнил, я вспомнил! – закричал Слава. – Есть такое слово: живее! Быстрее, значит!

– Да, жить – это не спать, не прозябать, это – трудиться – совсем другая скорость! – Милена закрепила Ж в центре доски, и она затихла. Мы могли спокойно её срисовать.

– И самое удивительное, – сказала в тишине учительница, – слово «жизнь» имело ещё одно значение. В завещаниях писали: «Пусть Иван до живота своего кормится с моей пашни...» То есть «до живота» – значит «до смерти». Одно и то же слово, а обозначало и жизнь, и смерть. Не зря Ж такая симметричная, справа и слева одинаковая.

Буква Ж, которую мы аккуратно срисовали, вдруг опять ожила и, пробежав по столам, юркнула в таинственную комнату. Мы проводили её глазами.

– Добро есть жизнь! – заявил Тихон.

– Ты это к чему? – спросила Света Солянкина.

– Если поставить рядом Д, Е, Ж, получится – Добро Есть Жизнь.

Но ведь жизнь – она такая разная. Получается, «быть, существовать» – это добро. И животные, и даже смерть – это тоже добро?

– Змей Горыныч – это тоже тебе добро? – спросил Никитка.

Тихон не нашёлся, что сказать. А Мириам предположила, что у Змея Горыныча есть детки и что с ними, со змеятами, он, наверное, очень даже добрый.

Марина тут же придумала, как прилетает Змей Горыныч домой, приносит деткам принцессу и говорит: «Кушайте, мои дорогие». А змеята отвечают: «Опять эти принцессы. Не хотим мы есть!» А папа говорит: «Ешьте, а то не вырастете и вас какой-нибудь рыцарь победит!» А детки говорят: «Мы по телевизору в новостях видели, что всё равно рыцарь всегда побеждает, он, такой, налетает на своём коне и срубает мечом все три головы». А Змей Горыныч как заорёт на детей: «Кто вам разрешил всякую гадость по телевизору смотреть?!» А принцесса говорит: «Вот что значит весь день пропадать на работе и не заниматься воспитанием детей! Телевизор их ещё не этому научит!» А Змей Горыныч говорит: «Как же мне не пропадать на охоте, то есть на работе! Если я не буду работать, они же у меня с голоду помрут!» «Ну, давайте я за ними присмотрю», – предложила принцесса. Змей Горыныч обрадовался и тут же женился на принцессе. Она стала разные блюда им

готовить. Они же сами не могли ничего сварить, у них когти на лапах большие. С такими когтями хорошо только принцесс ловить, а не картошку чистить. А по выходным они летали в разные страны на экскурсии. И огнём из пасти научились фейерверк устраивать. Их даже на День города пригласили. И на парад Победы.

Нам очень понравилась эта история. И мы потом Кащей Бессмертного тоже добрым сделали. И Бабу-Ягу. Кащей у нас стал заведовать музеем с древними сокровищами. А Баба-Яга лекции читала в мединституте. У неё все очень хорошо учились. Потому что по старой привычке Яга грозилась двоечников съедать. Вообще, злых в добрых оказалось очень просто превращать. Главное, найти человеку дело по душе.

– Надо этому бедному Михайлу Иванычу сказать, чтобы он ничего в школе не боялся, – предложила Света. – Что здесь все добрые.

– Я думаю, вы на славу сегодня потрудились, – сказала Милена. – Хотя дальше азбуку читать нам ещё и рано было. Не знаю, правильно ли мы её расшифровали в этом месте или нет...

– Конечно, правильно! Вон как хорошо получилось, – закричали мы. – Жизнь – есть добро!

– Пойдёмте посмотрим, как там у нас дела в тайной комнате, – предложила учительница, и мы обрадовались.

Мы посмотрели. И даже понюхали. Наше дерево цвело. Всё-всё! Разными цветами! Запах был такой густой, что можно было рассмотреть, как он плывёт от дерева во все стороны. Как подплывает к нашим зверушкам, и те робко водят носом и потом открывают глаза.

Мы стояли на цыпочках, как Нора, и боялись пошевелиться, спугнуть запах и наших животных. Только Света и Гриша едва слышно попробовали запах на вкус.

С одной стороны нам светило Солнце. С другой – звёзды с Луной. Никто никого не обижал. Потому что вся жизнь – это добро.

Глава семнадцатая. Семёрка, или Когда всё слишком хорошо

– Вы заметили, наша комната растёт? – спросила Милена.

А ведь правда, мы уже не толпились рядышком. Кто хотел – сидел у реки. Кто не хотел у реки, вскарабкался на гору.

– Это потому, что Земля живая. Она растёт, и всё с ней растёт, – предположил Юра. Он сидел на дереве и качал ногами.

– «Земля» – это буква З, – сказала учительница. – Она идёт следом за буквой Ж. А раньше было две З.

Милена подошла к берегу Реки и начертила на песке новую букву. Оказалось, что одну З зовут «Дзело» или «Зело», она писалась вот так: S. «Зело» сразу обозначает много всего: и «очень», и «крепкий», и «сильный», и «великий», и «обильный», и «усердный». Это она обозначала шестёрку, если над ней ставили титло. А другая З называлась «Земля» и писалась вот так: Z. Это была семёрка. Вообще-то «Зело» и «Земля» друг на друга похожи. Наверное, их так путали, что совсем запутали, и получилось что-то среднее: «З» – совсем как цифра три пишется. А семёрка немножко похожа на Z, только нижняя чёрточка у неё на поясе, чтобы семь уголков получилось. Без зело мы дальше азбуку не расшифруем. Потому что получить должно:

Ж – живите, трудитесь,

З – зело – усердно,

З – земля, земляне.

Азбука говорит, что мы должны на Земле не просто расти, есть и спать, а стараться жить, трудиться.

– Ну и зачем мне эта нада? – как обычно, пробормотал на это Вадик.

– Надоел уже со своим «зачем мне да зачем мне!» – проворчал в ответ Никитка. – Не

хочешь – не трудись. Иди вот, ложись под дерево и лежи.

Вадик пошёл и послушно лёг в сторонке.

– Семёрка тоже волшебная? – спросила Тоня.

Учительница попросила нас вспомнить, чего мы знаем, чтобы этого было семь. Оказалось, целый воз: семь цветов радуги, семь дней недели, семь нот, семь основных запахов и даже семь богатырей, семь Симеонов, семь гномов, семеро козлят... А у человека в голове семь отверстий! Образованный человек, чтобы творить, должен был освоить семь наук: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, музыку, астрономию.

– Есть ещё такое слово: семья! – вспомнила Мириам.

– Это вообще какое-то самое волшебное число, – шёпотом сказала Таня. – В нём, получается, всё на свете...

– Да, – кивнула Милена. – Небес, знаете, сколько на свете? Тоже семь.

Мы запрокинули головы и посмотрели, как красиво расслоены небеса.

– В «Энциклопедии для малышей» написано, – сказал с дерева Юра, – нижнее небо – это тропосфера, там, где воздух получает от земли тепло и поворачивает вверх.

– Это где оно, – спросил Коля, – первое небо?

– Протяни руку, – предложила учительница. Мы протянули и потрогали первое небо, то, что вокруг нас. Первое небо было домом для нас, для кудрявых облаков, для ветров.

– Дальше! – попросили мы Юру. – Вернее, выше!

– Воздух поднимается вверх, остывает, остывает, и там, где прекращает остывать, начинается второе небо – тропопауза.

– Это сильно высоко? – спросила Тоня.

– Да нет, самолёты туда залетают. Километров 10 или 16 вверх.

– Па-адумаешь! – пожал плечами Вадик. Всё же он не просто так лежал, словно камень, а немного трудился: слушал, что мы говорим.

– А дальше? – спросил Рафат.

– Дальше начинается стратосфера. Там воздух опять понемногу нагревается. Это километров 40 вверх.

– Это четвёртое небо – самое необычное во Вселенной, – добавила Милена. – В нём есть озон. На других планетах озона нет. Озон как фильтр: задерживает часть солнечных лучей, а на Землю пропускает столько, сколько для нас неопасно. Если бы не озон, то жизни на Земле не получилось бы. Юр, а пятое небо как называется?

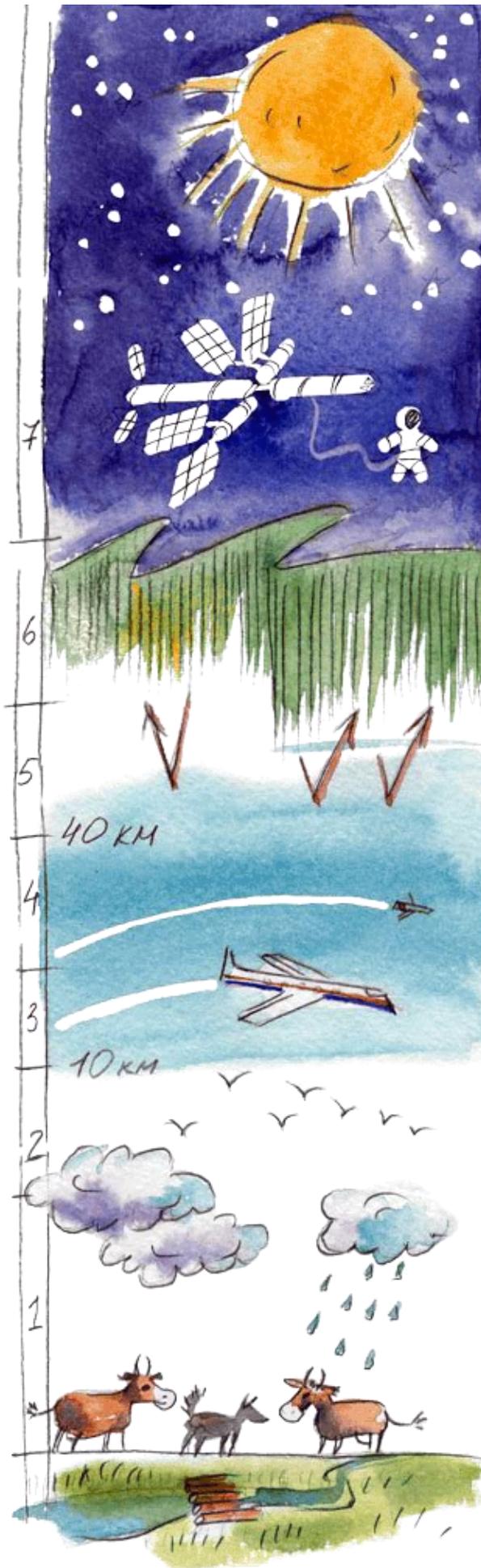
– Пятое небо – мезосфера. Воздух опять остывает, – ответил Юра.

Мы видели, что на пятом небе тоже плавали облака. Но тонюсенькие и серебристые.

– На шестом небе, в термосфере, он нагревается.

– Это легко запомнить, – обрадовалась Настя. – У меня есть дома термос.

Серебристые облака растаяли, и на нашем небе зажглось полярное сияние. Мы немножко пошипели на Настю, чтобы он помолчала про своего знакомого, который однажды надел такую специальную одежду, как термос, в ней человек не остывал и не нагревался, и решил он переночевать в холодильнике... Очень хотелось полюбоваться на небесные картины в тишине.

– А на седьмом небе, выше тысячи километров, в экзосфере, воздуха совсем не остаётся, он улетает в космос, – выждав паузу, закончил Юра.

Теперь вверху у нас была одна темнота, в которой терялась верхушка нашего дерева. И звёздочки нисколько не рассеивали её. Мы притихли так притихли. А потом Даня немножко заплакала. Я подумала, что, наверное, от восторга. Но оказалось, она боялась, что небо возьмёт и свалится. Седьмое на шестое, шестое на пятое, пятое на четвёртое, четвёртое на третье, третье на второе, а потом все вместе нам на голову.

– Не, – крикнул Юра с дерева, – они крепко держатся! За дерево. Я проверил.

Но Даня ещё пару раз шмыгнула носом. Теперь уже потому, что «раз семёрка – самое лучшее число, то, наверное, дальше мы уже ничего учить не будем?»

– Ещё как будем, – пообещала Милена и велела нам собираться. Тем более от дерева до двери в наш класс путь был неблизкий. Дверь едва виднелась вдалеке, за полем, покрытым яркими цветами из наших букетов.

Над травой появилась белая полоса, похожая на дорогу.

– Это цвет числа семь, – сказала Милена. – Из белого получают все остальные цвета.

И полоса, согнувшись в сторону неба дугой, стала радугой. Так как наша Земля была плоская, то радуга твёрдо упиралась концами в пол и можно было потрогать её руками.

Мы забрались на радугу, а потом съехали прямо к выходу. Только Серёжа на полпути свалился, и ему пришлось бежать к двери по земле. Милена открыла дверь. Мы оглянулись. Всё же радуга была не очень крепкая, теперь она прогнулась к земле и цветными подтёками слилась на траву. В разноцветной полоске все цвета перемешались, получилась длинная чёрная дорога от дерева до двери.

– Нам просто так с Земли кажется, что там, на седьмом небе, – темно, – сказала Ирина.

– Точно! – согласился Юра. – Вот на Солнце, говорят, есть чёрные пятна. А они не чёрные. Они очень даже яркие. Просто Солнце ещё ярче. Значит, вокруг последнего неба есть тоже что-то очень-очень яркое.

– А если долго смотреть на Солнце, а потом глянуть на небо, то небо покажется тёмным, а не голубым, – добавила Рая, потеряв стёкла очков.

Мы вернулись в класс вместе со звонком. Но Вадика с нами не оказалось. Милена опять пошла в лаборантскую и откопала его. Вадик пустил корешки и немного прирос. У него даже листочки на ушах проклюнулись.

Глава восемнадцатая. От порога до порога

Домашнее задание мы делали вместе с Раиной бабушкой на скамейке возле школы. Потому что она знала все пословицы и поговорки про семь. И потому что она не торопилась на работу.

– Только я за вас всё делать не стану, – предупредила бабушка. – Я буду начало пословицы говорить, а окончание вы уж сами додумывайте.

Мы, конечно, сразу согласились.

– Семь раз отмерь, один раз... – начала бабушка.

– Отрежь! – хором закончили мы.

– У семи нянек дитё... – начала бабушка.

– Замучается, – вздохнув, продолжила Марина, которой всё детство пришлось провести без садилов, с нянями.

– Может, наоборот, у семи нянек дитё весёлое? – предположил Коля, которому приходилось ждать родителей в одиночестве, и он был бы рад любой компании.

Мы здорово удивились, что по-настоящему дитё получается без глаза, если за ним сразу семь нянек будут смотреть. Наверное, подерутся няньки между собой, кто из них лучше присматривает за ребёнком, и – вот результат.

– Один с сошкой, а семеро...

Тут мы ещё сильнее задумались. Сошка, как нам бабушка объяснила, – это такая штука, которой раньше землю вместо трактора пахали, – соха.

– Один с сошкой, а семеро без сошки? – предложил Рафат.

– Ну и какой в этом поучительный смысл? – спросила Ирина. – Пословица должна какую-то мудрость нам рассказывать.

– А такой, что надо идти и брать соху и землю пахать, а не сидеть, – предложил Рафат, но бабушка тоже сказала, что это не совсем правильное окончание, что народ говорит: один с сошкой, а семеро с ложкой.

Пока мы это обсуждали, Миша пристроился за скамейкой и принялся линейкой рыхлить землю.

– Семеро одного... – была следующая поговорка.

– Побьют, – уверенно ответил Артём. – Если догонят, то точно побьют.

– А если «лучше семь раз покрыться потом, чем...» – поинтересовалась бабушка.

– Чем восемь, – разумно заметила Мириам.

– Нет, лучше семь раз покрыться потом, чем один раз тебя догонят и побьют, – предложил Артём.

– Вы изобрели совершенно новые пословицы, – обрадовалась бабушка и дала нам новый повод для творчества: «Семь бед – ...»

– Семь бед – значит, всё очень плохо, – сказала Нора, и попробовал бы кто-нибудь с ней поспорить...

– Да что это всё о неприятностях и неприятностях! – возмутилась Тоня. – Есть про семёрку какие-нибудь весёлые мудрости?

Бабушка сказала, что есть, например: «До беды семь лет: не то будет, не то нет», то есть не надо раньше времени расстраиваться. А ещё «Для любимого дружка семь вёрст – ...»

– Верста – это один километр шестьдесят семь метров, так в древности мерили расстояния, – объяснила нам бабушка.

– Для любимого дружка семь вёрст – это больше семи километров, – подсчитал Юра.

– Подсказываю. «Для любимого дружка семь вёрст – не...» – бабушка сделала паузу. И даже перестала дышать, ожидая ответ.

– Не... не больше семи километров? Но это неправильно, – не согласился Юра.

Бабушка отрицательно покачала головой, терпеливо дожидаясь новых версий.

– Сдаёмся, сдаёмся! – закричали мы, потому что бабушка всё ещё не дышала, и мы

испугались.

– Не околица, – выдохнула она. – Околица – это значит не по улице, а в обход, сзади деревни. И если идёшь к тому, кого любишь, для тебя и семь вёрст – не сильно уж большое расстояние, мигом его пробежишь...

Бабушка у Раи стала немножко грустная. Наверное, оттого, что мы так плохо знаем пословицы. А их оказалось очень много. И потом, пока сообразишь, что они значат, – семь потов с тебя сойдёт. Мы же пока не семи пядей во лбу. Про семимильные шаги и про семь пятниц на неделе мы догадались, и про то, что не надо бояться, потому что «семи смертям не бывать, а одной не миновать». Но некоторые народные мудрости для нас так и остались тайной за семью печатями. Например, что такое «седьмая вода на киселе». Даже Света такого блюда не знала. Зато она догадалась, что такое «за семь вёрст киселя хлебать». Кисель-то по вкусу одинаковый везде, зачем надо ехать куда-то?

Неожиданно подул ветерок. Бабушка сказала:

– Сентябрьский час – семь погод у нас. Пора идти по домам.

– Да нам не холодно! – закричали мы. Но тут из школы вышла Милена, и нам всё же пришлось расходиться.

И хотя говорят, что «семеро одного не ждут», мы сначала помогли Мише вытащить из земли старинный сундук, до которого он докопался.

Потом унесли сундук в нашу лаборантскую и хотели его открыть, но тётке Наде нужно было мыть пол, и она выгнала нас на улицу.

А потом мы ещё подождали, пока Серёжа соберёт свои рассыпанные из портфеля тетрадки, и тогда уже стали прощаться.

– Пока! Семь футов под килем! – крикнули мы друг другу, оглядываясь и расходясь в разные стороны. А Раина бабушка добавила:

– До порога одна дорога, а за порог – семь дорог.

Глава девятнадцатая. Папа совсем свободен

Дома я кое-как дождалась ужина. А потом посадила родителей перед собой и объявила, что открываю родительское собрание. На повестке стоит, вернее, сидит наша семья.

– Потому что наша семья – это не настоящая семья, – заявила я. – В семье должно быть семь человек, а у нас всего три. Ну ладно, три с половиной, если считать черепаху.

– Это ужасно, – сказал папа. Но не потому, что согласился со мной. Он просто забыл сегодня покормить черепаху, а была его очередь.

– Да, это ужасно, – согласилась мама. – Я забыла рассказать вам, что значит слово «семь». Семь и семья – не родственники. Семья писалась через «ять», помнишь такую древнюю букву? И слово «сѣмь» означало не семь человек, а «домочадец», «работник» или даже «слуга». Так в словаре написано.

– Нет уж, – возмутилась я. – Вы не увиливайте. Работник! Опять работу домашнюю мне придумала? А я всё уже сделала! Даже посуду помыла!

– Тут хоть увиливай, хоть нет, – вздохнула Милена, – но точно никто не знает, почему самое волшебное число называется семёркой.

Мы с папой удивились. Такое волшебное число, и никто не знает, что это за слово, которым оно называется? Ведь волшебные числа нельзя называть абы как, с бухты-баракты. Наверное, кто-то долго думал, прежде чем сказать: это будет семь!

– Раньше говорили «седм», – сказал папа. – И вообще на самых разных языках семерки очень похожи: седан, септем, севен, септа...

– Это неспроста! – кивнула Милена. – Вот смотрите, что я нашла. В очень древнем – древнеиндийском – языке семёрка называется сапта.

Я потёрла глаза. Мама сегодня была одета в сари – национальную одежду индианок. У папы на голове появилась чалма, украшенная рубином. А себя я обнаружила с кольцом в ноздре. Говорят, так носят знатные индийские дамы. Наверное, этим способом их отучают

ковыряться в носу.

– А что означает «сапта»? – спросила я, подёргав себя за колечко.

Мама опять принялась листать словарь. Она так шелестела страницами, что поднялся ветер. Со страниц на пол тихо спрыгнул тигр, с визгом выбежала обезьяна, шлёпнулся и громко затрубил слон, выскользнула змея. Хорошо, что все они были маленькие и мы с папой могли посадить гостей в коробку. Только одного индийского йога не получилось запихать внутрь. Он какое-то время сидел, скрестив ноги и закрыв глаза, но затем медленно отрывался от дна коробки и взлетал вверх. Тогда папа привязал его ниточкой за ногу и пустил парить под потолок, подальше от люстры.

– Вот, – наконец остановилась мама, и мы тоже замерли, изловив последнего павлина. – «Сапта» означает «свободный».

Папа неожиданно воодушевился. Он ведь уже шесть раз носил свою работу к директору табачной фабрики – и всё было не то, что тому надо. Папе уже было противно и тяжело туда идти. Ноги переставлялись с трудом, словно были в кандалах. Его тошнило, когда он чуял запах табачного дыма.

– Освободиться! Освободиться! Свобода, – пробормотал папа, взял коробку с сигаретами новой формы, немножко в ней покопался и, как был в чалме и с пятном на лбу, ушёл.

Мы с мамой накормили обитателей коробки, и они тут же исчезли. Только маленький йог болтался у нас под люстрой до самого тёмного вечера. Кушать он отказывался, да и вообще не разговаривал и даже не смотрел на нас. Он вообще непонятно куда смотрел.

Когда вернулся папа и мы включили свет, йог запереливался, как радуга, и рассыпался искорками.

Папа наш тоже переливался. Но в одном месте, под глазом. К счастью, он не рассыпался.

– И что вы думаете? – спросил папа. – Директор сразу же распорядился опробовать сигареты моей новой формы.

Папа извлёк из кармана что-то похожее на детскую игрушку-дракончика. Только она была изрядно помята.

– И?.. – спросила мама, достав из холодильника лёд.

– Он решил, что сигареты в виде игрушек привлекают к нему много новых покупателей младшего возраста. Тут же созвали экспертную комиссию, раздали им курево моей формы.

– И?.. – спросила мама.

– Ну, ты сама знаешь: какая форма, такое и содержание. Все участники эксперимента стали сначала зеленеть. А потом засыхать. В результате что-то среднее между Змеем Горынычем и Кащеем Бессмертным получилось.

– И?.. – опять спросила мама.

– И директор сказал, что ему нужно, чтобы все, кто курит, чувствовали себя крутыми, модными и взрослыми. А не такими уродами. То есть, конечно, они такими становятся, но гораздо позже, когда потратят все деньги на курево. И ещё сказал, что я не получу денег, раз такой дурак, что этого не понимаю.

– А ты? – спросила я.

– А я сказал, что он сам дурак и чтобы убирался со своей вонючей фабрикой куда-нибудь на Марс. Чтобы не травил наших детей и нашу планету!

Папа приложил лёд к глазу, но всё равно выглядел очень смелым.

– А он велел охране выкинуть меня, – закончил папа, не дожидаясь очередного маминого «И».

– А ты? – робко спросила мама и молча пожалела Марс.

– Ну, я совсем немного пролетел, когда меня выкинули, пока не воткнулся в того мужика, что ходит возле нашей мусорки. У него теперь тоже синяк.

– Я тебе сколько раз говорила, учись хорошо летать! И не закрывай глаза, когда летишь! – заворчала мама. – Видишь, что получилось!

– Нет, пора мне учить вас нормально летать, – продолжала она вздыхать, даже когда синяк уже прошёл. – Разве можно быть свободным, если не умеешь хорошо летать?

Глава двадцатая. Восьмёрка, или Круглая бесконечность

Первым уроком у нас был «Окружающий мир». И мы читали письмо от Марьи Ивановны. «Дорогие мои, – писала она. – Наша Земля круглая. Мы проплыли и посмотрели – точно круглая, хотя и немного приплюснутая с полюсов. Теперь мне очень хочется узнать, какое у нас небо. Я думаю, оно тоже должно быть круглое. Вокруг круглой земли должно быть круглое небо! Потому что круг – это самая чудесная форма на свете. Я думаю, что всё на свете мечтает стать круглым. Или хотя бы овальным. Ведь не зря вы изучаете именно ОКРУЖАЮЩИЙ мир. Кому нравятся острые углы?»

– Это точно, – согласился Артём, – хоть бы этих углов совсем не было.

И мы подумали, что Артёму, наверное, иногда приходится стоять в углу.

– А книжки – они не бывают круглыми, – сказал Юра. – И даже не стремятся.

– А диски! – вспомнил Григорий. – Диски-то круглые. А на них теперь книжки делают!

– Мне бабушка рассказывала, – подняла руку Рая, – что раньше книги были свёрнуты в трубочку.

И после этого замок на сундуке, который выкопал Миша, открылся. Мы всё утро пытались его отомкнуть. Но ничего не получалось. А тут он сам взял и открылся.

Милена кивнула и достала из сундука несколько свёрнутых в трубочку листков. Но это была не бумага. Мы стали рассматривать необычные книги. Одна оказалась сделана из берёсты. Другая – из льна. Третья – из кожи. Конечно, такие книги было удобно сворачивать в трубочку.

– А самая круглая цифра – это восемь, – сказала учительница.

Восьмёрку писать очень легко – два кружочка. Один – Земля. А второй, наверное, небо.

– В Китае восьмёрку любят, потому что она то же самое, что «процветание», – рассказывала Милена, пока мы писали восьмёрки в тетрадке.

– В России восьмёрку называли «осьмь». Восемь похоже на «после семи». И немножко на ось. В других языках восемь произносится очень похоже на «ночь». А в индоевропейском языке «восемь» сделана из двух четвёрок, а четвёрка означает «четырёхзубая» или «борона» – это то, чем равняли землю после того, как вспашут.

Наши восьмёрки получались разные. И длинные, и толстые, и прямые, а некоторые просто валялись на бок. Милена тоже написала на доске восьмёрку с очень вытянутыми кружочками, лежащую на боку.

– Это знак бесконечности, – объяснила она. – То есть, если вы ещё не умеете писать длинное слово «бесконечность», просто нарисуйте такой знак. У бесконечности нет начала и конца.

Восьмёрка нам понравилась, потому что её легко запомнить. Мы стали вспоминать, чего бывает по восемь. Но это оказалось непросто. Серёжа вспомнил доску, на которой в шашки играют. Там по восемь клеток и по восемь кругленьких шашек у каждого игрока. А Нора вспомнила про пауков. Оказалось, у них по восемь лапок. И они плетут круглые паутинки.

Тут мы услышали, как восемь лапок заскреблились в нашу волшебную дверь. Милена отодвинула карту, открыла таинственную комнату, и из неё вышло странное существо, похожее одновременно на палку колбасы и таксу на восьми ножках.

– Она, выходит, паукообразная, – сделал вывод Юра.

– Ладно паукообразная, но почему она живая! – закричала Света, узнав свою колбасу. – Её директор должен был давным-давно съесть!

– Ты что, забыла, всё на свете живое! – напомнил Свете Коля.

– Да, пусть только кто попробует её съесть! – крикнул Артём. – Мы с Григорием её давно заметили. Только не знали, что это бывшая колбаса.

Колбаса понюхала воздух. Но у нас пахло только восьмёрками. Тогда она что-то хрюкнула по-колбасиному и выбежала в коридор. Мы сначала хотели бежать её ловить и возвращать в тайную комнату. Потом подумали, что, если она убежала, значит, ей куда-то надо, и решили не ловить. Вдруг она решила вернуться к директору?

Но всю перемену мы бродили по школе, присматривались и прислушивались: не нужна ли нашей колбасе помощь, не пытается ли её кто-нибудь поймать или съесть. Нет, всё было, как обычно. Если только не считать дыма из табачной фабрики. Его почему-то не было. Здание фабрики, похожее на дракона, опустело.

Глава двадцать первая. Миру – мир

– А если её кто-нибудь поймают?

– И в подвал посадит!

– И ещё на чердак!

– И на мусорку унесёт!

– И домой заберёт, а там в холодильник положит!

– И съест!

– И будет на поводке выводить гулять!

– Сколько у вас здесь «И», – сказала Милена, услышав, как мы беспокоимся о колбасе. – Кстати, в древности И были очень разные. Была И, которая звалась «Иже». Это значит «который», «и это», «они же». Она писалась так: I. Была «иже краткая». Ещё одна И – i, с точкой вверху, называлась «И десятичная». Другая И писалась с двумя точками над палочкой и называлась «И двухдесять». Если написать две палочки, две I, и соединить их, то выйдет И – «ижеи». А вот такая И – V – называлась «ижица». Ижица была последней буквой в азбуке.

– Зачем столько? – удивились мы. – Хватило бы простой И и ещё И краткой.

– Этим всё и закончилось, – кивнула учительница. – А теперь я покажу, что случилось, когда вместо нескольких И стали использовать одну.

Учительница написала слово «МИР». Кто умел читать, прочитал и рассказал другим.

– Что такое мир? – спросила Милена.

– Мир – это когда никто никого не обижает, когда драки нет, – сказала Ирина.

– Нет, мир – это всё вокруг нас: звёзды, земля, – сказал Тихон.

Тогда Милена написала рядом с МИР ещё и МIP.

– А раньше эти слова можно было отличить. Мир – это покой, когда никто не дерётся. А мip – это «вселенная». Может быть, и произносились эти слова немножко не похоже друг на друга, но теперь мы этого не узнаем.

У нас уже голова опухать начала от такого количества разных И, и тут в дверь заскреблись. Милена открыла, и из коридора в класс прошмыгнула наша колбаса. Вернулась! Вдоль стенки она добежала до тайной комнаты и исчезла за картой.

– Мне кажется, она стала толще, – сказала Света.

Но тут прозвенел звонок, и мы пошли на музыку.

Урок музыки. Песни про Ко

На музыке мы пели про «Ко». Это песенка о том, что «далеко, далеко на горе пасутся Ко...». И нужно догадаться, кто там пасётся. Мы ещё на прошлом уроке догадались, что это коровы. Но так петь было неинтересно, и мы придумывали и придумывали слова на Ко. На нашем лугу паслись теперь не только козы и кони, но ещё кошки, козявки, колючки, копалки, колья, копья, кораблики, конусы, кости.

– Всё! – сказал Слава в середине урока. – Все слова на Ко кончились. Ко-нец!

Но Татьяна Евгеньевна не останавливалась. Она очень любила играть на фортепьяно. Она, как волшебница, смотрела на страничку с нотами, а потом взмахивала рукой и каждую

нотку оживляла, выпускала на волю, как клетку открывала, в которой томилась птица. И над городом летела прекрасная музыка: «далеко-далеко на лугу пасутся Ко...». Ну, или какая-нибудь ещё. На свете много хороших песен.

– Ко... ко... ко... – бормотал Тихон.

– Ты что, как курица, кудахчешь? – спросил Григорий. – Всё, кончились слова.

– Да я думаю... – Тихон рассматривал свои ногти, – корова, коза, вот ещё когти... У всех есть что-то общее... Это общее «ко», и оно острое. У всех есть что-то острое.

– А у коня что острое? – спросила я.

Татьяна Евгеньевна услышала про коня и сыграла музыку про погоню.

– Надо у Милены Зоревны спросить, что там с конём, – ответил Тихон, когда мы проскакали круг по актовому залу. – Может, раньше кони были с рогами, типа козерогов. А безрогих коней звали лошадьё или клячей какой-нибудь.

– А ещё есть слово «каравай», так у него тоже ничего острого нет, – сказала Света Солянкина. – Только украшения такие вверху, на листочки похожие... Или на рога.

Татьяна Евгеньевна услышала про каравай и начала играть «как на чьи-то именины испекли мы каравай».

Мы пару раз исполнили хоровод.

– А мне бабушка рассказывала, – сказала Рая, – что хоровод раньше назывался короводом.

– Его что, вокруг коровы водили? – засмеялась Тоня.

– Или, может быть, коровы кругом друг за другом ходили? – предположила Таня.

Татьяна Евгеньевна, услышав про коров, опять начала играть «далеко-далеко...».

Хорошо, что урок закончился. Ведь на «Ко» мы всё равно больше ничего не могли вспомнить.

Но когда мы вернулись в класс, то вспомнили. Это же колбаса! Она опять выбежала в коридор. И пока мы на уроке чтения читали на полянке возле реки сказку про Колобка, она

где-то бегала.

У Колобка тоже, кстати, не было ничего острого. Но Милена сказала, что этим вопросом мы займёмся чуть позже.

Глава двадцать вторая. Дорога для Колобка

Я делала домашнее задание, стряпала Колобок. Не знаю, как у бабы, которая из сказки, получилось испечь его абсолютно круглым. У меня Колобок выходил немножко приплюснутым. Вообще сделать что-то круглое оказалось не очень просто. Даже вырезать из бумаги круглую салфеточку под колобок. У салфетки откуда-то появлялись малюсенькие острые уголки. Один уголок срезаешь – вместо него два, поменьше возникают.

– Всё же Тихон прав, – сказала я папе, который работал над новым заказом. В этот раз он придумывал новую форму для бутылки, в которую будут разливать спиртные напитки. – Ко – это острое.

– Даже колесо? – спросил папа.

– Думаю, да, – сказала я, поставив Колобок в духовку. – Колесо ведь должно быть с колыями-перекладинами. А уже вокруг них – круг.

Папа нарисовал круг с перекладинами.

– Ну да, – кивнул он. – А для круглого другое слово есть – круг.

– Или пузырь. Мыльный, – вспомнила я, отмывая миску от теста.

– Или еще пузо, – сказал папа. – Как у директора винно-водочного завода.

И тут к нему пришла идея, и они вместе с папой убежали за компьютер рисовать свою бутылку.

Я засекала двадцать минут и принялась ждать, когда Колобок испечётся. Ждать одной было неинтересно. Вот если пристроиться рядом с мамой...

– Зря Колобок из дома убежал, его всё равно съели, – сказала я, разложив карандаши, чтобы нарисовать картинку к сказке.

– Тогда получается, что вообще не надо никакого дела начинать, потому что оно всё равно заканчивается, – сказала мама. – И петь, и спектакль смотреть, и играть, и в школу ходить. Ведь если бы Колобок не укатился, то не было бы у него ни путешествия, ни песенки.

– А ведь правда, – поняла я. – Самое интересное – это между началом и концом. Как в книжке: с двух сторон обложка, а приключения внутри!

– И потом, когда заканчивается что-то одно, обязательно начинается другое, – мама закончила проверять наши тетрадки, и они сами по себе поползли в портфель.

– Я чувствую! – крикнул нам папа. – Чувствую, что ваш Колобок пережарился!

Мой Колобок был тёмно-жёлтого цвета со слегка подгорелым боком. Я положила его на окно студиться, как и положено. И пошла чистить зубы. Перед самым сном я вернулась на кухню и тихонько, одним пальчиком потрогала Колобка.

– Ну, покатишься ты или нет? – шёпотом спросила я.

Колобок поглядел в окно с высоты девятого этажа.

– Я тебе как покачусь? – буркнул он. – Здесь лететь надо.

Глава двадцать третья. Про то, что не все люди мыслят как люди. Некоторые – как мыльные пузыри

– Итак, – сказала Милена, как только колбаса забежала в класс. Она была гораздо толще, чем вчера. Не Милена, конечно, а колбаса.

– Итак, буква **К** называется «**Како**».

– Фу, – сказала Мириам, – как некрасиво это Како.

– К была всего одна в азбуке, – запустив колбасу в лаборантскую, продолжала учительница, – проще говоря, это «как».

– Да, хватит нам и одной каки, – согласились мы.

Милена нарисовала стрелу. Так в древности писали К. Даже не совсем К, а целое Ко. Как раз то, что острое. Странно, как стрелка превратилась в К?

– Это похоже, что стена, а в неё наконецник стрелы попал. Вид сбоку, – сказал Серёжа, попытался сделать «вид боку» на стуле, но свалился.

– А вот это Л. Буква называется «Люди», – продолжила Милена. Сегодня она отчего-то очень торопилась.

– А если две Л рядом поставить, то выйдет много людей? – поинтересовался Тихон.

Мы поставили. Но получилось М.

– А эта буква называется «Мыслите».

– КАК ЛЮДИ МЫСЛИТЕ! – расшифровал дальше нашу азбуку Тихон.

Пока мы над этим мыслили, Милена нарисовала еще одну новую букву. Это была Н – «Наш».

Потом она плотнее прикрыла дверь в класс и показала глазами на карту. Мы на цыпочках пошли в таинственную комнату.

Но тут за окном раздался шум.

– Не успели, – сказала учительница. И мы уже бегом вернулись от двери к окну. По школьному двору летали пузыри. Огромные, похожие на мыльные. Они отливали красным и синим. Ветер нёс их от завода, где делали водку и другие вредные напитки. Некоторые пузыри были в костюмах и галстуках, а другие – в халатах и тапочках.

– Идёмте на улицу, – сказала Милена. – Возможно, понадобится наша помощь.

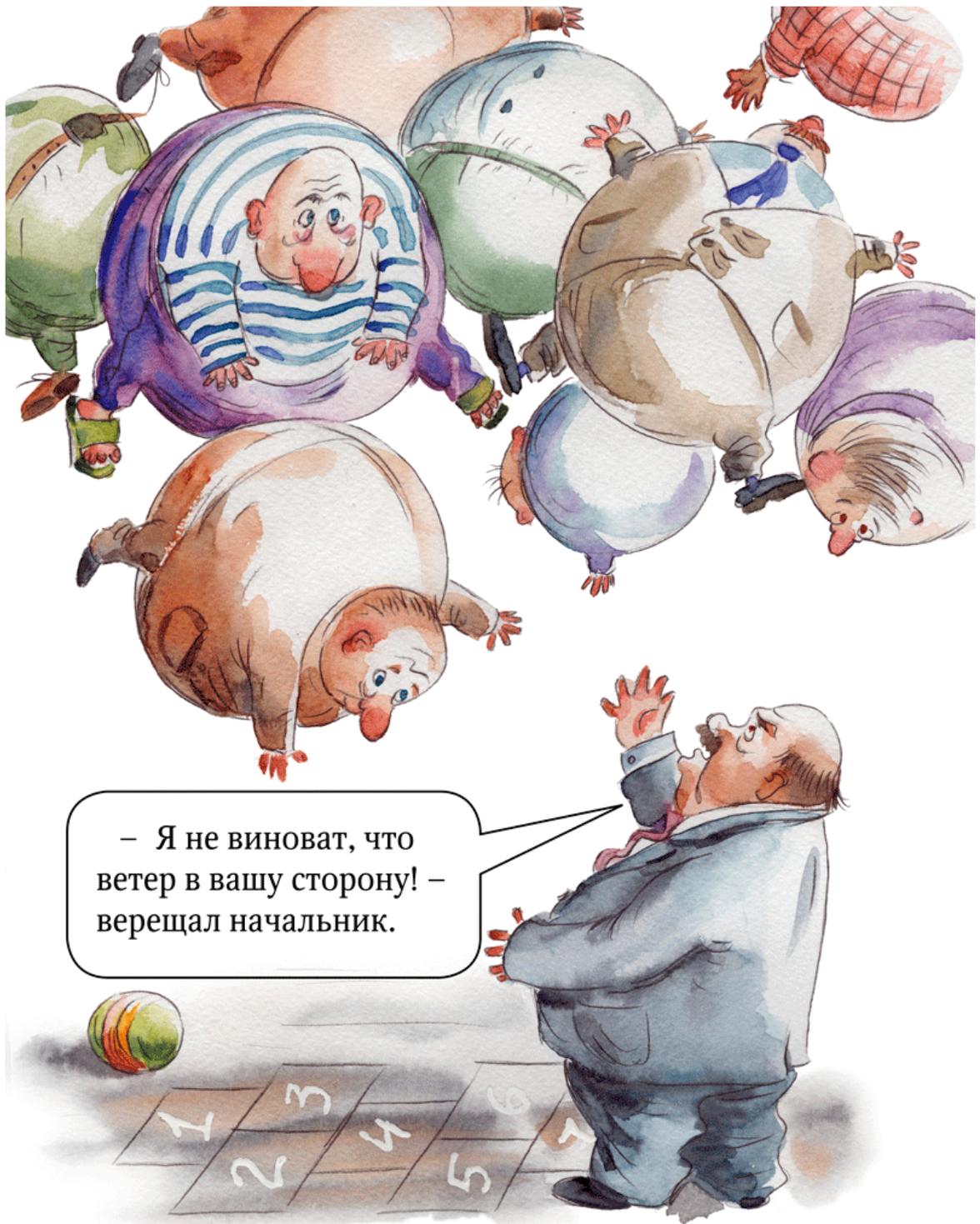
Мы обрадовались помочь пузырям. Только вот чем? На школьном крыльце уже стояла завуч. А рядом толстопузый дяденька – начальник винно-водочного завода.

– Приземляйтесь! Немедленно! – кричал он, махая пузырям.

– Не, нам тут улётно, как мы и хотели! – крикнул в ответ пузырь в спортивных штанах.

– Ловите их, ловите! – взмолился начальник и первым стал подпрыгивать, чтобы схватить какой-нибудь пузырь. – Если они улетят или лопнут, кто будет покупать у меня вино и водку? Я разорюсь!

– Что случилось? – спросила Милена. – Почему вы кричите про всякую гадость в школьном дворе?

— Я не виноват, что ветер в вашу сторону! — верещал начальник.

— Я не виноват, что у моих лучших клиентов раскисли мозги! Это всё из-за... из-за... Он открыл свой портфель и достал папин проект — прозрачную круглую бутылочку с хитрыми палочками внутри.

— Вы что, решили рекламировать вашу отраву перед нашими детьми? — тихим, но очень слышным голосом сказала завуч. От этого голоса бутылка у директора выскользнула из рук, и жидкость пролилась на строгий костюм.

— Я не рекламирую! Я возмущаюсь! — вопил начальник, пытаясь отряхнуться. — Куда их потянуло?! Куда уносит моих клиентов?!

— В небеса! — закричали пузыри. — Нам на земле больше ничего не надо, нас тут ничего не держит! Красота — летать и ни о чём не думать! Так легко в голове, одни только пузырьки!

– Вы мечтаете, чтобы все люди на земле стали круглыми пьяницами?

Голос завуча словно начал расширяться, он был подобен торнадо.

Глаз торнадо нацелился на владельца бутылки.

– Ик. Виноват, – неожиданно ответил он. Наверное, напиток из бутылки начал действовать.

– Чтобы они стали круглыми идиотами и дураками? – вихрь подхватил начальника водки и поднял над крыльцом. – Чтобы они не смогли больше мыслить как люди, а думали только о том, где достать денег, чтобы купить вашу гадость?

– Ик! Вообще-то да... – признался начальник, превращаясь в пузырь, а потом нашёлся и добавил с обидой: – Но я же их не заставляю, они сами у меня напитки покупают!

– Все люди свободны! Совершенно свободны! – подтвердили остальные пузыри.

– Теперь-то вы, действительно, свободны, – покачала головой Милена.

– Вы тоже были свободны в выборе, что делать: добро или зло! – крикнула вслед хозяину завода завуч. – Для добра у вас мозгов не хватило! У вас одни только пузыри в голове!

Она повернулась на своих толстых каблуках и зашла в школу, хлопнув дверью.

– Давайте удумем их подальше от школы, – предложила учительница. И мы опять стали дуть, как когда-то отделяя тьму от света. Это приобретённое в школе умение нам здорово пригодилось.

Пузыри очень радовались. Всё же в их жизни появились яркие краски. Они летели, свободные от всех забот, сверкали всеми цветами радуги и лопались недалеко от мусорного бака. Мой знакомый бродяга вытащил из кармана тряпочку и стал протирать мыльными ошмётками баки. Они красиво заблестели, даже мусор бросать было как-то неудобно.

Потом мы подмели школьный двор. И посмотрели, как на бывший завод сгружали новое оборудование. Оно было странное – в виде ступ.

– Воду будут толочь, – объяснила Милена, – в ступах. От этого она становится живой. Такая вода и называлась в древности «пиво», её все пили и становились здоровее и живее. От водки в человеке умирают стыд, сознание и совесть. А от живой воды в человеке оживают стыд, сознание и совесть. Но эту букву мы ещё не проходили. Очень сложная буква. Её многие запомнить не могут. Или в обратную сторону пишут.

Глава двадцать четвёртая. Если бесконечность сломается

Даня пришла в школу очень рано. Всё потому, что у неё вчера лопнул папа. И Данина мама с утра убежала на телевидение давать интервью в утренней программе. Она теперь стала знаменитая на весь город. Мама пообещала Дане нового папу, чтобы она не расстраивалась.

– Ты уж выбери того, который умеет думать про нас с тобой. А не про то, чтобы улететь подальше, – наставляла маму Даня.

– И чтобы не лопнул, – попросила она напоследок.

Поэтому Даня первая пришла в школу. И увидела, что натворила колбаса. Она разгрызла все наши бесконечности и восьмёрки пополам. Заметив девочку, колбаса юркнула за карту. Даня хотела заплакать, но поняла, что нельзя терять время, нужно что-то делать. Она смела все кружочки в кучку, аккуратно сложила их один на другой. Получился толстый калачик. Потом она попыталась приставить один кружок к другому, но они не склеивались.

– Ничего не получается! – опять приготовилась заплакать Даня, как раз когда мимо класса проходил Михаил Иванович. Он осматривал, всё ли в порядке в школе с опасностями.

– Так-так-так, – сказал он, чем огорчил Даню ещё больше. – Нуликами балуетесь?

– Нет, – тихонько пискнула девочка. – Она сломалась.

Ответственный за безопасность внимательно посмотрел на Даню и взял в руки кружок.

– Вот, смотри как надо, – он вытянул из кружка хвостик и загнул его вверх. Получилась шестёрка. Потом он легко и просто смастерил ещё шестёрок, чтобы Даня запомнила, как это

делается.

– Всё, дальше сама, – сурово сказал завхоз, прикрепив цифры на доску, и ушёл.

– И вообще, у меня вчера папа лопнул, – сказала вслед Даня тихонько, чтобы никто не услышал.

Но завуч, проходя мимо, услышала и завернула в класс.

– Это бывает, – сказала она. – У нашего министерства каждый год бюджет лопаётся. Они его сшить пытаются. Думаешь, что хорошего из этого может получиться?

Даня представила, что они с мамой тоже папу пытаются сшить. И сшитый в её мыслях папа выходил мягкий и пёстрый, с декоративным стежком, как Данино лоскутное одеяльце. Интересно, на что мог пригодиться такой папа? Если только на диван постелить.

Завуч взяла в руки кружочек и вытянула из него ножку. Получилась шестёрка, только вверх ногами.

– Такой цифры не бывает, – сказала Даня, когда завуч заняла перевернутыми шестёрками вторую половину доски.

– Бывает. Просто она новая, – ответила завуч. – К ней привыкнуть надо.

– Это наша колбаса восьмёрки раскусила, – пожаловалась Даня.

– Молодая, зубки режутся, – объяснила завуч. – Она в кабинете директора все приказы по школе сгрызла, а потом дырку в стене прогрызла и убежала. Надо, чтобы кто-нибудь её воспитал.

Даня поджала ноги, чтобы колбаса не вздумала охотиться на неё. А завуч, постояв у карты, сказала:

– Так-так-так, – и вышла из кабинета.

Тут и мы все пришли. И принесли колобки. Все, кроме меня. Потому что моего на подоконнике не оказалось. Папа говорит, что он его не ел. Ему вообще некогда было кушать. Он новый заказ делал. Упаковку для бомбы. Поэтому мы с мамой папу не трогали. Папа был воинственно настроен. Он и сам, словно бомба, был готов взорваться. Конечно, папа теперь летал гораздо лучше, чем раньше. От разгневанного хозяина винно-водочного завода он ловко улетел, не врезался ни в кого, хотя и приземлился в шиповник. Но у военных всё же и самолёты реактивные есть, и ракеты, которые тоже неплохо летают, ведь могут догнать.

– Нужно учиться трансформироваться, – посоветовала мама. – Это легко. Распад на уровне молекул и атомов, а потом сборка в нужном месте и нужном качестве.

Папа посмотрел испуганно.

– Честное слово, никакого волшебства, – пообещала мама, спрятав за спину книжку про Лягушку-царевну.

Я ещё раз подбежала к подоконнику, где лежал мой Колобок, и посмотрела вниз. На скамейке сидел бродяга и ел зажаристый батон.

Наверное, Колобок поднапрягся и улетел. Или трансформировался в батон. Иначе почему бродяга сказал мне «здравствуй» и «благодарствую», когда мы выходили из подъезда?

Глава двадцать пятая. Девятка и поиски Его

– Так пишется число девять, – Милена показала на перевернутую шестёрку, что сделала завуч. – На некоторых языках девятка произносится как «новая».

Мы рисовали новую цифру, и она походила на выросший из земли цветок, у кого – подсолнух, у кого – подснежник.

– Наверное, сначала люди подумали: «а хватит нам восемь чисел, – раскрашивая свой колокольчик, вслух размышлял Юра, – восьмёрка – это и так уже целая бесконечность». А потом посмотрели на руки и поняли, что придётся дальше придумывать.

– А почему люди? – спросила Ирина.

– А почему на руки? – спросил Рафат.

– Про руки попробуйте догадаться сами, – попросила Милена, и мы принялись рассматривать свои руки. Они, конечно, были самые разные. Но и одинаковые. У всех по пять пальцев на руке. Удобно считать.

– Правильно, – подтвердила учительница. – На Руси раньше пятёрками считали. Вернее, пятками.

– У меня два пятка пальцев. А дома три пятка моделей машин, – сказал Рафат, растопырив все пальцы на руках и пытаясь прибавить к ним одну ногу.

– Правильно, а в сказке про Ивана-дурака золотые кони стояли семь пять шапок серебра, – учительница семь раз сжала и разжала ладошку.

Мы попробовали ещё что-нибудь сосчитать пятками. Только не всё получалось такое ровное.

– А как сказать, что мне семь лет? – спросила Таня.

– Один пять и ещё два, – растопырив пальцы, ответила ей Тоня. – Не очень-то удобно. Приходится складывать.

С руками мы разобрались, теперь нужно было понять про людей. Здесь у нас единогласия не получилось. Про это мы уже спорили, когда А учили. Одни говорили, что когда-то давным-давно люди собрались все вместе и договорились, какому числу какое название дать и как какую цифру писать. И про буквы так же. Другие считали, что это всё не

люди придумали, а специальные боги, и людям подарили. Ну, как всё равно что две руки или один нос – это же тоже не люди себе придумали.

– Ну зачем Богу буквы? – кричал Слава. – И цифры зачем? Он в школе не учится и примеры не решает.

– А может быть, решает! – не согласилась Ирина. – Как он тогда узнал, куда Землю поставить, чтобы нам удобно было, а не как на Марсе или Венере? Это расстояние высчитать надо.

– Если бы цифры с буквами Бог придумал, то они бы у всех народов были одинаковые, – заметил Юра.

– А может, они и были одинаковые, – предположил Рафат. – А потом люди разъехались кто куда, забывали потихоньку, как было, и стали своё досочинять.

– Нет, нет, – закричал Тихон, и мы ужасно удивились, он всегда очень тихо разговаривает. – Наверное, так было: Бог на одном языке говорит. Ну, это как музыка будто бы. Её же переводить не надо. А люди старались эту музыку поймать. Каждый сам придумывал домик для звука.

Учительница взяла два кружочка, оставшиеся от восьмёрки, и прицепила их друг к другу, а потом надела на нос, как очки. Класс отразился в них, как в зеркале.

– Можно так думать, можно этак. Восемь – очень ровненькая цифра, – тут она разломилась свои очки. В одной руке у неё оказалась капелька-шестёрка, в другой – запятая-девятка.

– Но вот ты принял решение и начинаешь действовать... – половина кабинета скатилась по хвостику шестёрки, половина – взлетела по хвостику девятки.

Шестёрки и девятки на доске тоже закрутились и скрепились между собой, получились круги. Шестёрки в них были чёрные, девятки – белые.

– Меня тошнит, – подняла руку Тоня, и необычные взлёты с падением прекратились. Ножки у кружочков отломались, перед нами опять лежала кучка калачиков.

– Это называется Нуль или Ноль – «никакое число», – сказала Милена. – А ещё это называется буква О. О – значит ОН.

– Кто – ОН? – шёпотом спросила Ирина.

– Не знаю, – шёпотом призналась Милена.

– Надо поискать, – предложил Григорий. И мы быстренько засобирались в таинственную комнату. А где же ещё мы могли найти ЕГО, не знаем кого.

Мы тихо прикрыли за собой дверь, чтобы нечаянно не испугать наших животных и птиц. И, оглядевшись, сразу заметили, что лаборантская ещё увеличилась. Теперь не было видно стены, где когда-то стояли полки с коробочками. Наши зверушки тоже подросли.

Мы разбрелись в разные стороны и стали внимательно смотреть. Звери, птицы, насекомые, растения, рыбы жили очень мирно. Каждый занимался своим делом. Но время от времени они отрывались от своих дел и внимательно смотрели на нас. Словно тоже изучали букву О и разыскивали, где же ОН.

А ЕГО не было видно. Артём даже забрался на гору. Она возвышалась со стороны стены, за которой должен был находиться второй класс.

Миша сунул руку в нору. Он думал, там какой-нибудь хорошенький суслик живёт. Но это была колбасная нора. Колбаса пискнула, куснула Мишу за палец и шмыгнула обратно. Мы приложили Мише подорожник, и палец сразу зажил.

– А вдруг ОН спрятался? – предположила Таня.

Мы поискали везде, где можно было спрятаться.

– Вдруг мы ЕГО не узнали? – сказала Тоня.

– Ага, а ОН обиделся и совсем ушёл... – продолжила Нора.

– Ну и ладна, – пробурчал Вадик, который, хотя и делал вид, что никого не ищет, всё равно немного огорчился.

– ЕМУ некуда идти, – твёрдо сказала Милена. – Просто мы ЕГО почему-то не видим.

– Он, наверное, такой малюсенький-малюсенький, – умилилась Мириам, – как

Дюймовочка и ещё меньше.

– Совсем не обязательно, – не согласился Юра. – Возможно, ОН, напротив, огромный-огромный.

– Если огромный, тогда мы бы его сразу увидели, – Никитка показал на Дерево, на Гору, которые было видно издалека.

– Ты же не видишь нашу Галактику, – объяснил Юра. – Потому что она слишком огромная, и ты – внутри неё.

– Изнутри вообще наружную часть разглядывать трудно, – заметил Рафат. – Вот, например, микробы, которые внутри меня живут, – они меня видят только изнутри.

– У тебя что, внутри микробы? – изумился Коля Ульянов. – И они на тебя там, внутри, смотрят?

Мы попробовали представить себя микробом, который живёт внутри Рафата. Там было тепло, но темно и немного сыро.

– У каждого человека в кишечнике находится около двухсот видов микроорганизмов. А во рту в два раза больше, – проинформировал нас Юра. – И они там ничего не видят. У них глаз нет.

Стало тихо, только Даня немножко вздыхала. Наверное, ей было жалко микроба, который никогда-никогда не увидит и не узнает, что живёт внутри такого хорошего человека, как Рафат.

– Так ты ему скажи! – предложил Рафату Тихон. – Что, мол, это я, Рафат, ты живёшь внутри меня. Давай дружить, и всё такое.

– У микроба и ушей тоже нет, – сказал Юра.

– Блин, – огорчился Григорий, – вот жизнь. Не видно, не слышно. Да они, наверное, ничего и не понимают, эти микробы.

– Они свою работу прекрасно понимают. Только захочет в тебе поселиться какой-нибудь вредный злой вирус, они нападают и прогоняют его. У них вообще внутри тебя дел много. Болтать некогда.

– А если ОН такой огромный, то мы, получается, как микробы внутри НЕГО, – предположила Ирина.

Мы ещё сильнее притихли. Было слышно, как жужжат на лугу наши пчёлы. Как дышит лежащий под деревом волк. Как поворачивает голову сова. И как ворчит в норе колбаса. Это было ужасно странно – думать, что ты внутри кого-то. Я слегка разволновалась от этой мысли. И мне захотелось увидеть ЕГО ещё сильнее. Или хотя бы услышать.

– Слушайте! – закричал Григорий. – Нет, вы слышите? Слышите, как у меня в животе бурчит? Это, наверное, микробы что-то сказать хотят!

– Кушать требуют, – предположила Света.

– Эх ты, влез со своим животом, – махнул рукой Тихон. – Мне только показалось, что я что-то услышал.

– Я не виноват, что пора на обед! – Григорий жалостливо посмотрел на свой живот, и нам пришлось возвращаться в класс, а потом идти в столовую.

– Я вообще дальше буквы учить не буду, пока ЕГО не найду! – попытался взбодрить нас Гриша.

Не знаю, чем нас кормили и про что болтал соседний второй класс. Я не заметила. В голове у меня были шорохи таинственной комнаты. И я спрашивала у них: «Кто там? Это ты?» Странно, что спрашивала я без всякого звука, но в голове всё равно слышала свой голос. Мне показалось, что и с микробом внутри себя можно говорить таким же способом. Может, и ОН со мной когда-то тоже так заговорит?

Глава двадцать шестая. Чем всё это скрепляется?

Я уже пять строчек буквы О написала. Самая лёгкая буква. И самая древняя. Она во всех языках, наверное, есть. Её надо первую изучать. Хотя, как мне мама объяснила, О была

не самая популярная русская буква. В древности вместо О в начале слов часто говорили Е. Например, не Алень и не Олень, а Елень говорили. И не Ольга, а Ельга.

– Ничего себе! – возмутилась я. – А как тогда разобраться, как правильно писать? Школьники, наверное, в те времена на одни двойки учились!

– Да просто, – махнула рукой Милена. – В самые древние времена гласные: А, О, Е, У и другие, которые поются, – вообще не писали. Подставляй, что нужно по смыслу. Сейчас тоже в некоторых языках пишут только согласные. Поэтому, чтобы прочитать слово, ты должен знать его. Догадайся, что я написала.

Мама подала мне листочек с буквами: МЛК.

– МоЛоКо! – догадалась я. – И не надо мучиться, запоминать, О писать или А!

– А это: МР.

Тут у меня возникла куча вариантов: и МУР, и МИР, и МОРЕ, и МЕРА, и УМЕР... Нет, всё же хорошо, что придумали гласные вписывать. И что одно слово от другого стали отделять пробелом, а предложения друг от друга – точками. В древности ведь всё вот так слитно писали по пробуй разбери.

Мы уже и уроки сделали, и калачей напекли, и приготовились порисовать, и только тогда папа пришёл. Мы сразу заметили, что с ним что-то не так. Его собственная форма слегка изменилась. Он словно длиннее стал и ещё тоньше. А уши сдвинулись к самой макушке.

– Ну-ка, включайте телевизор, – сказал он, упал на диван и тут же уснул.

– В свете этого становится бессмысленным использование оружия для решения конфликтов, – диктор отодвинул листочки и пообещал, что в следующий раз про последние события он расскажет нам утром.

Тогда мы с мамой стали просто рассматривать папу. У него был ужасно липкий костюм, словно папа упал в кисель. Папа вздрагивал во сне, отчего брови скатывались на щеки, а губы принимали форму сердечка.

– Трансформироваться научился, а вот обратно слепляться – ещё не очень, – сказала мама, поправив папе брови и положив на уши примочки.

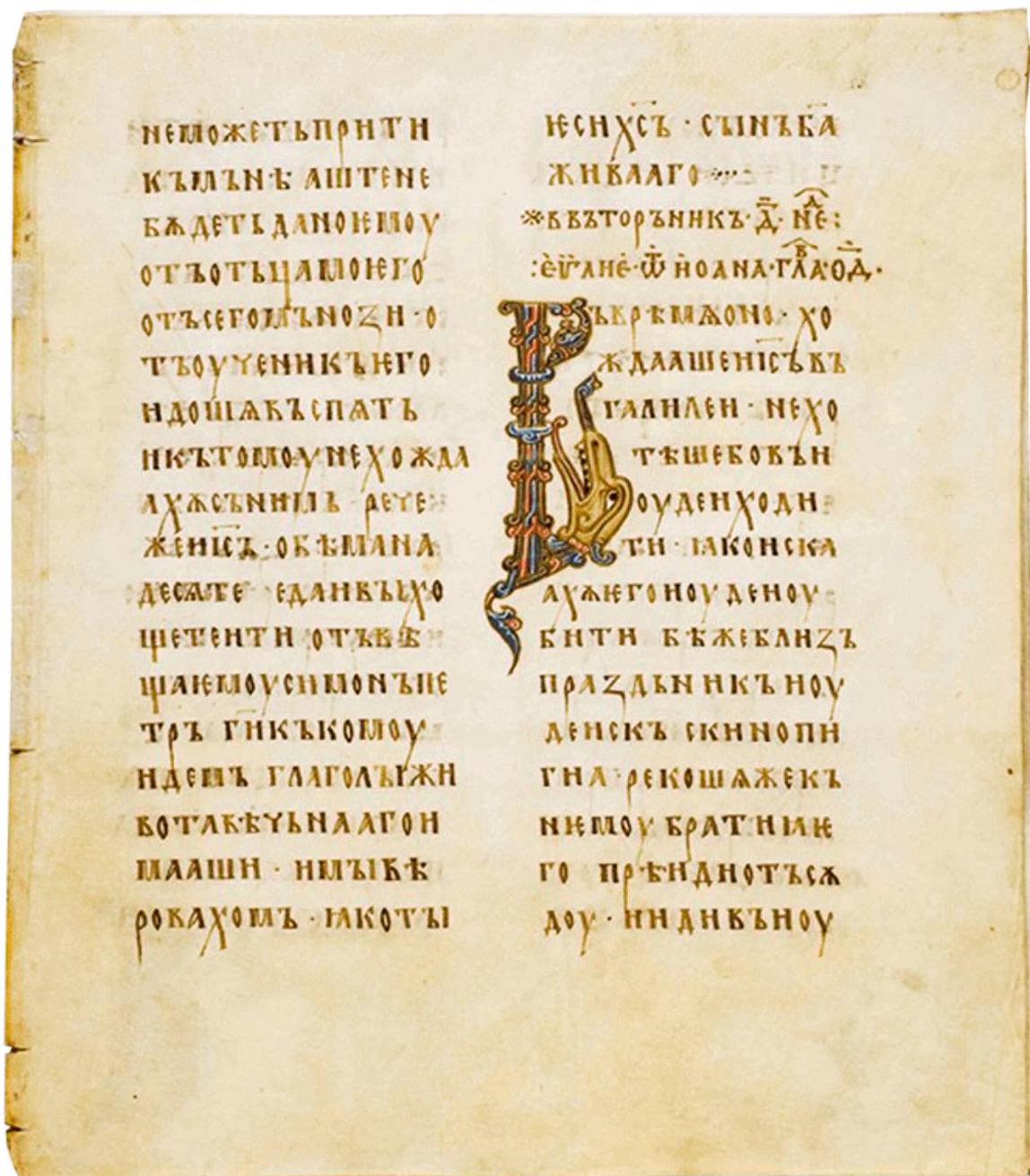
– Зато с бомбами у него всё получилось, – сказала я. – Интересно, что же он придумал?

Но этого мы даже утром не узнали. Правительство тут же засекретило информацию. Зато те страны, которые только что воевали, на пресс-конференциях взяли друг друга за мизинцы и сказали: «Мирись-мирись и больше не дерись. Если будешь ты стрелять, нас компотом поливать, мы вас сразу же польём из ракеты киселём!»

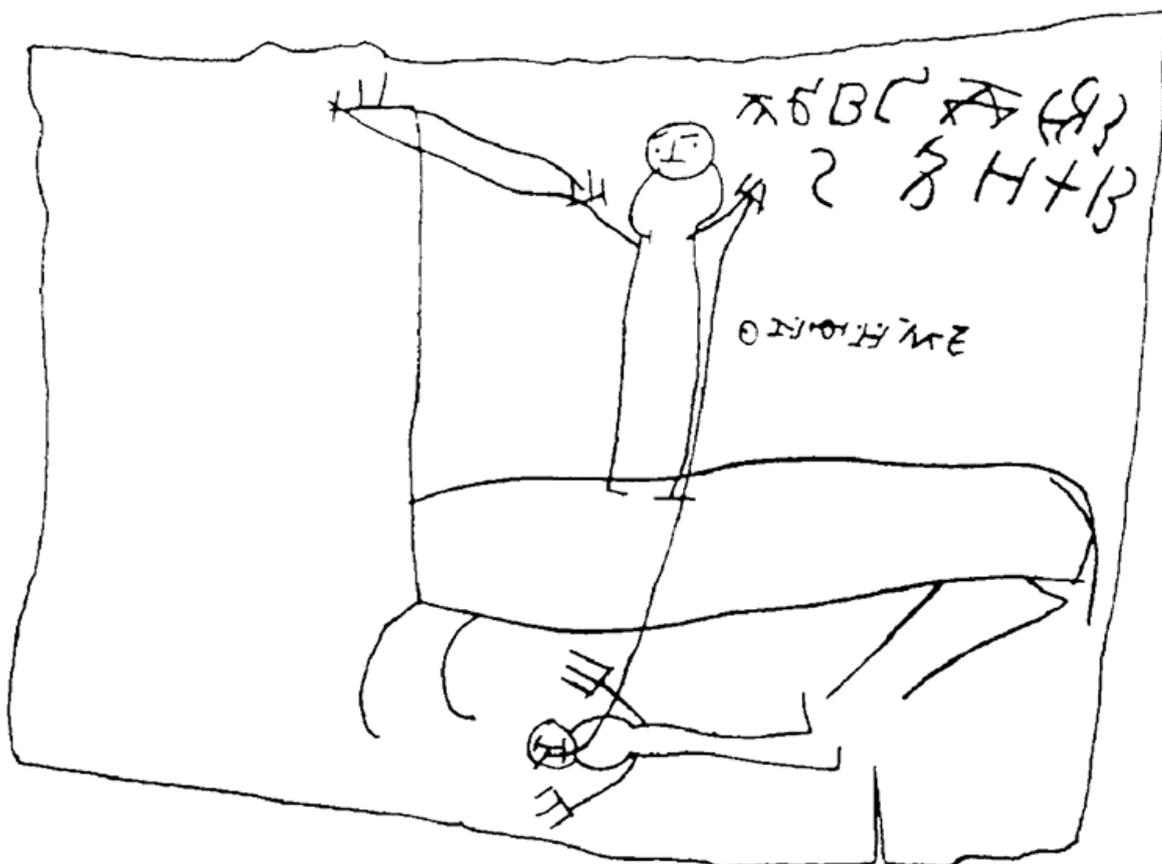
Когда мы ушли в школу, папа ещё спал.

«Новгородская псалтырь» – древнейшая славянская книга. Псалтырь написана на воске. Начало XI века.

«Остромирово Евангелие» – древнейшая рукописная книга Руси на пергаменте. 1056-1057 годы. 135 раз встречается в ней заглавная буква «В». И ни разу переписчик не повторяется, всегда украшает её по-новому!

Грамота мальчика Онфима на берёсте. Написано начало азбуки и имя Онфиме. 1240-1260 годы.

Глава двадцать седьмая. П, Р, С, Т

Нам опять пришло письмо от Марьи Ивановны. Она писала, что убедилась: на небесах тоже всё круглое и овальное. И у планет овальные маршруты, и вся наша Галактика движется, кружась. Даже чёрные дыры, и те круглые.

Вообще с чёрными дырами смешно получилось. Они похожи не только на круг, но и на ноль. Вы ноль уже выучили? В неё нырнёшь, а выныриваешь совсем в другом месте. Ноль – он ведь тоже такой: вроде пустое место, а нарисуешь рядом с чем-нибудь и – бац! – сразу десятка! Это если рядом с единичкой поставить. Я думаю, это что-то волшебное...

Мы прочитали письмо и тут же принялись учить число 10. Де-сять – это две пятерки. ДвЕпЯТЬ. Только П на С заменить. Непонятно, чем нашим предкам П не понравилась. П твердо стоит, а не раскачивается, как С.

– П зовут «Покой» или «Покой», – сказала учительница. – Это не значит, что ничего не делаешь. Это значит, что живёшь – не дёргаешься, спокойно, словно по течению плывёшь, ничего тебе не мешает. И ты никому не мешаешь. Успокоился – дышишь легко, не волнуешься, ни с кем не ссоришься. Есть такое слово: покой – дом, основа, там, где человеку хорошо. Ещё, когда у тебя всё хорошо, можно сказать «умиротворение». Ты творишь мир! Поэтому эта буква ещё и – основы мироздания...

– А упокоился – это значит совсем-совсем не волнуешься, умер, – добавила Марина, и мы подумали, что всё же, должно быть, у Марины кто-то умер. Хомячок там или рыбка.

– Теперь понятно, почему в десятке П на С поменяли, – сделал вывод Тихон.

– И почему? – пока не поняли мы.

– Чтобы движение дальше было хоть небольшое, а не полный покой.

Мы аккуратно скопировали в тетради П и попробовали прочитать. Получилось, что «Как Люди Мыслят – Наш Он Покой».

Загадка какая-то. Мы повернулись к Юре.

– Я вот думаю... – не спеша сказал он.

– Мылишь то есть, – уточнил Григорий.

– Ну да, я вот мыслю так... что вырастет наша Земля в лаборантской большая-пребольшая... – неожиданно продолжил Юра.

– И тогда наша школа лопнет, разлетится на кусочки! – сказала Нора и испуганно прижала ладони к щекам.

После этого какое-то время никто думать не мог: школу потрянуло, карта с двери лаборантской слетела на пол, Пеппи на портрете зажмурилась, а Эйнштейн прикусил язык.

– Всем оставаться на своих местах! – закричал ворвавшийся в класс Михаил Иванович.

Мы и так на местах сидели, только Серёжа опять на пол свалился.

– Это не землетрясение, это старшеклассники опыты ставят, – объяснил завхоз. – Физика у них.

– Раз вы так думаете, значит, так и есть, – согласно кивнула Милена.

Взволнованный завхоз после этих слов слегка успокоился.

– Сейчас электроны разгонят до нужной скорости и успокоятся, – сказал он. – Каждый год просим пропускать этот параграф – нет, им хочется попробовать и всё тут. У них директор физику преподаёт...

Завхоз говорил умиротворённо. Словно плыл по течению. А река – это были его мысли.

Мы какое-то время молчали, осмысливая. Ведь что думаешь – так и живёшь. Как мыслишь – такое мироздание и получается! Это даже в азбуке написано. Поэтому думать мы старались осторожно, чтобы опять нигде не лопнуло.

– Сейчас напишем «С», – проводив Михаила Ивановича, учительница начала выводить С на доске. – Она называется «Слово».

– Стойте, стойте! – закричал Тихон, глядя на заднюю страничку тетрадки, где была написана вся азбука. – Мы ещё одну букву пропустили! Р!

– «Р» – это «Рцы»: «говори», «скажи». В таком приказательном виде. Было раньше слово «рыщи» – говорить. А сейчас осталось только «речь» и «изрекать».

Милена теперь и Р написала, мы аккуратно скопировали в тетради. Рядом добавили совсем простую и понятную «Т» – «твёрдо».

– Слово Говори Твёрдо! – это всем было понятно, не только Тихону. Но по-настоящему твёрдые слова мы слышали на другой день.

Глава двадцать восьмая. У хороших отрастают уши

Уши у папы хорошо приросли, ровно. Но вот правая бровь всё же осталась немного выше левой. От этого казалось, что он постоянно удивлён.

– Мне дали новый заказ, – удивлённо сказал папа.

Мы тоже не ожидали. После всего, что папа натворил.

– Теперь тебе нужно сделать дизайн космического корабля? – восторженным шёпотом спросила мама. И я тоже обрадовалась, потому что давно хотела побывать в космосе. Надо только, чтобы папа предусмотрел специальный прицеп для пассажиров. И ещё одну тележку, куда можно сложить подарки для жителей других планет. Я тут же ему об этом сказала.

Но папа ничего не ответил. Наверное, это была государственная космическая тайна.

Я пошла писать буквы. Их было так много. Главное, запомнить, что дырочка в С справа. И в Р кружочек тоже. Мама показала мне, как ещё писали букву С. Совсем не похоже на теперешнюю: словно солнце из-за горы-треугольника всходит. Это тоже была славянская азбука, называлась она глаголица. Азбука для говорения! А у буквы Т были толстые ножки, как камни, а на них – крыша.

– Крыша... – бормотал папа за компьютером.

Я посмотрела, какие мы буквы ещё не выучили. Их осталось не очень уж много. Интересно, что получится, когда мы разгадаем всю тайну азбуки и сможем уже сказать: «Азбуки ведаю – я буквы знаю!».

Потом я пошла во двор и стала тренироваться прыгать в длину – нам по физкультуре задали. Это очень в жизни пригодится. Идёшь ты вдруг по лесу, а впереди тебя яма, ты – раз и перепрыгнул, чтобы мост не строить! Бродяга, который у мусорки стоял, подошёл ко мне и тоже стал прыгать, хотя ему наверняка и не задавали. У него из карманов разное посыпалось. Куклы без глаз, машины без колес, медведи с оторванными лапами.

– Что ты с ними делаешь? – спросила я.

– Играю, – ответил дяденька.

И он прыгнул так далеко, в самый конец двора. А сломанные игрушки поковыляли за ним следом.

– Надо их починить! – закричала я.

– Не-а, – ответил мужчина. – Они сами справятся. Видишь зайца? У него оба уха оторвали. Но он такой хороший, что одно уже выросло! Всё-равно-его-не-брошу-потому-что-он-хороший.

Хозяин игрушек подпрыгивал на каждое слово и скоро совсем упрыгал со двора.

– Запомни это древнее заклинание! – донеслось до меня.

Глава двадцать девятая. Что в кармане у министра

Дверь класса распахнулась, и к нам ворвался Михаил Иванович. У него в последнее время такая привычка появилась – вбегать в наш класс.

– Внимание! – сказал он. – Хочу предупредить вас об опасности! В школу идёт министр образования!

– Может, нам лучше спрятаться? – робко спросила Нора.

– Директор попробовал, – кивнул завхоз, – но его нашли.

– И что? Пытают? – вскочил Артём.

– Да, насчёт модернизации школы, – завхоз кивнул и покрепче закрыл дверь в класс, но со стороны коридора тут же кто-то принялся тянуть ручку на себя.

Слово, насчёт которого пытаются директора, нам показалось не очень приятным, хотя никто и не понял, что оно означает.

– Мы её тоже не видели, – сказал Тихон, – эту «зацию», так что пусть министр отстанет.

– А колбасу мы ему не отдадим, – добавил Григорий. – Мы её воспитаем и научим школу от министров охранять.

Дверь дёрнули посильнее.

Завхоз опустил ручку. В класс влетели очки завуча и, не очень отстав от них, сама Варвара Сергеевна.

– Запомните! – протараторила она. – Главное – не бойтесь! Самое страшное – это то, что он опять попробует разнести нашу школу в клочья. Каждый год такое случается. И всё приходится начинать заново! Но и успеваемость тоже главное.

– У нас с успеваемостью всё хорошо, – сказала Милена. – Мы везде успеваем.

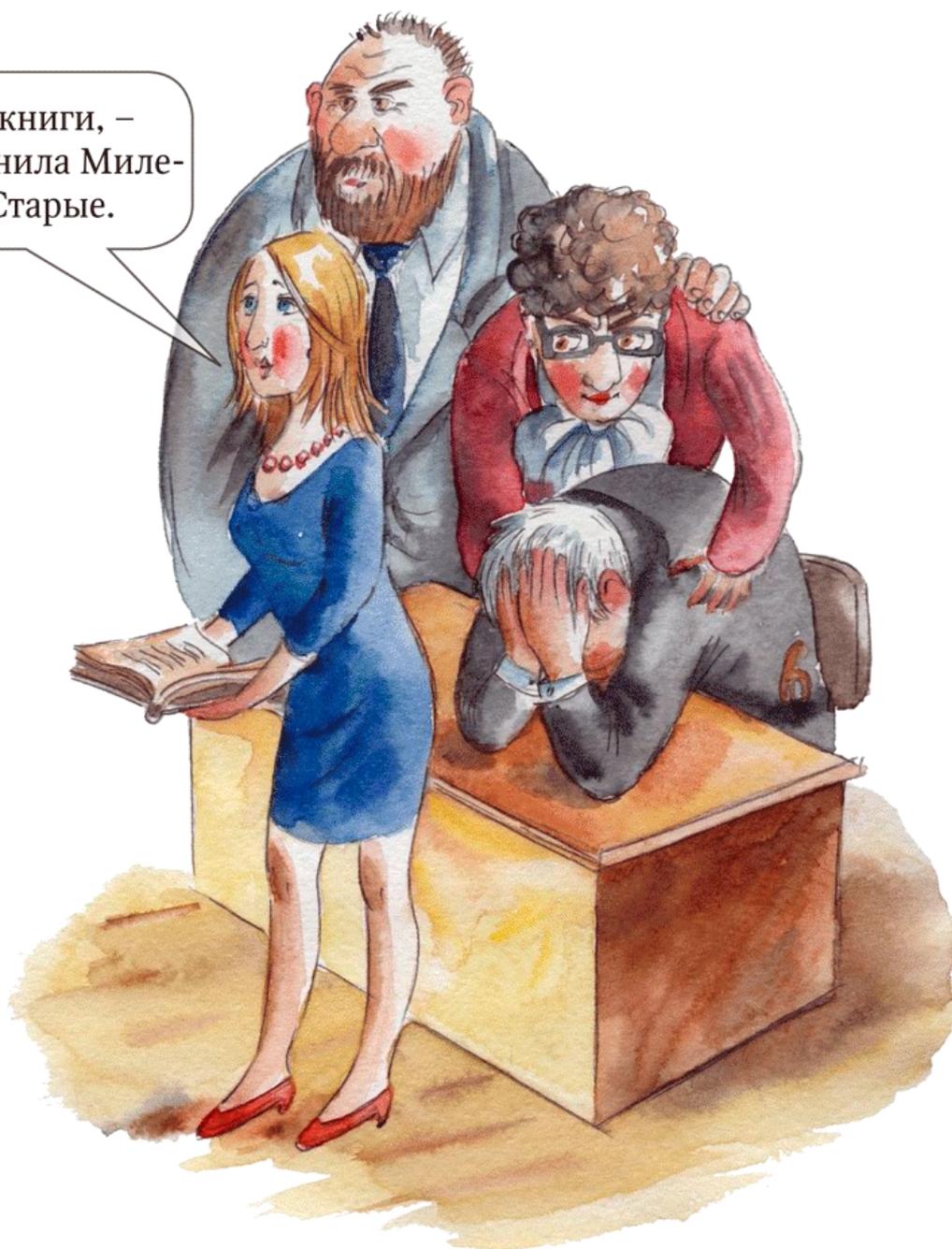
За спиной завуча появились наш директор и министр. Похоже было, что у директора в этот день заболели все зубы сразу. Зато у министра была на лице улыбка. Правда, какая-то не очень настоящая, словно приклеенная.

– Господин министр хочет посмотреть, готова ли наша школа... наша школа... к новой жизни, – директор сел на Миленин стул и заплакал. Завуч и завхоз подошли к директору, загородили его от министра своими широкими спинами.

– Дети! Я хочу вас обрадовать! Ваша школа теперь будет совсем другой! У вас даже телевизора нет – но он будет! – министр улыбался и улыбался. – Вместо этого древнего сундука – кстати, что в нём? – мы купим вам компьютеры! Много компьютеров.

– Это книги, –
объяснила Милена. – Старые.

– Книги! – министра передернуло, и его улыбка перевернулась уголками вниз. – Да ещё и старые-престарые! Стыдно! Весь мир уже давным-давно не читает старых книг! Школа не место для старья!

В этом месте директор заплакал ещё сильнее.

– Ну что вы так расстраиваетесь? – обратился к нему министр, поправляя улыбку. – Вас никто не считает старьём. Просто пойдёте на заслуженный отдых как заслуженный пенсионер.

И он опять повернулся к нам:

– Вы должны вырасти очень-очень грамотными, компетентными людьми. Не фантазёрами и мечтателями, а теми, кто нужен нашей стране – грамотными потребителями! И нам не будет стыдно-престыдно перед другими странами!

– Можно вопрос? – поднял руку Рафат. – А кто такой потребитель? Я вот ещё не решил, кем быть, может, мне это подойдёт.

– Потребитель – это тот, кто всё потребляет. Потребит одно. А потом другое. А потом третье, – объяснил Юра. – Или всё сразу. Требует и требует.

– Ну ничё, круто, – сказал Вадик.

– Так ведь и лопнуть можно, если только потреблять, – покачала головой Света Солянкина и достала из портфеля Колобка. Не потому что проголодалась, просто для моральной поддержки.

Министр сердито посмотрел на Милену.

– Они даже не знают, что такое дисциплина, – возмущённо сказал он. – Может быть, и слово «компетентности» вам не знакомо? Запомните его! У нас в министерстве его уже все запомнили и научились хорошо выговаривать. Без этого невозможно жить в нашем государстве! Чему вы вообще их учили?

Милена пожала плечами и почему-то улыбнулась.

– Вот что вы сейчас изучаете? – министр ткнул пальцем в Серёжу, и тот, как обычно, упал со стула. Но для министра это было неожиданно, и он с удивлением взглянул на свой палец.

– Азбуку, – пришёл на помощь Серёже Юра. – Азбучные истины...

Министр снял улыбку, положил её себе в карман полосатого пиджака.

– Что это за глупости такие? – сердито сверкнул он глазами. Министр не ждал ответа, но мы привыкли, что, если спрашивают, нужно отвечать.

– Это не глупости. Это когда понимаешь, что к чему, – сказал Артём. – Вот, например, что у вас в кармане?

Министр сунул руку в карман и замер.

– Мы знаем, там мина! Поэтому вы и министр, – закричал Слава.

– Мина? Что за народная этимология! Нет у меня никакой мины, – сердито сказал министр. – Конечно, мы планируем разобрать часть вашей школы... Может быть, и взрывать придётся...

Во дворе уже было слышно тарахтение бульдозера. А в кармане у министра затикало. Стены вздрогнули, портреты перекосило.

– Я знаю про вашу таинственную комнату, – сказал министр. – В этом году вам тоже не удастся в ней спрятаться!

– Как вы меня замучили.

В класс вошла тётя Надя.

– Каждый год взрывают образование и изнутри, и снаружи, а убираться мне.

Она отжала тряпку на швабре и встала наизготовку.

Глава тридцатая. Новый узор

Министр подошел к нашей лаборантской и сдернул карту. Земля упала вниз и замерла, помятая.

– Вам открыть? – спросила Милена.

– Не надо ему открывать! – закричали мы.

Но дверь открылась сама. И из таинственной комнаты вышел... папа.

– Уважаемый министр, – сказал он, – проект новой школы готов.

– Как вы сюда попали? – удивлённо спросил директор, вытерев глаза большим носовым платком.

– С улицы, – ответил папа.

Мы дружно вскочили и побежали в нашу таинственную комнату. Директор, завуч и завхоз тоже побежали. Мы немножко придавили к стене министра, но сейчас было не до него.

Наша земля уходила сквозь школьную стену во двор. Но было легко понять, где заканчивается то, что сделали мы, и то, что было сделано до нас. Наша трава была зеленее, цветы больше, животные – у нас их было много и они никого не боялись. А в ранешнем мире из живых стоял только бульдозерист и робко смотрел на распахнувшуюся стену.

– Надо же, не выцветает, – сказал директор.

– Это пока, – завуч протерла очки. – Скоро перемешается.

– До какой буквы выучили? – спросил Милену директор.

– До Т. Но зато счёт уже до 10.

– Твёрдо, – кивнула завуч. – Хотя бы твёрдо будет, и то уже хорошо.

– В прошлом году он явился на Г, – сказал завхоз. – И всё разлетелось, как ветер. Даже учительница улетела.

– Вы понимаете, – папа добрался через нас до министра и теперь пытался показать ему свой проект, – буквы – это такие формочки для звуков. Вы стряпали в детстве куличики? А на дудочке играли? Так вот, коридоры в школе будут в виде букв. Детские голоса будут проходить по ним, и...

– Зачем нам детские голоса? – министр попытался отцепиться от папы. – Дети должны молчать и слушаться взрослых! Дети должны подчиняться! Немедленно срубите дерево! Поймайте животных и посадите в клетки! Это что за гадость!

Министр пнул ногой колбасу, которая нюхала министерский башмак и даже подняла над ним две из своих восьми лапок.

– Это очень важно, чтобы форма соответствовала содержанию, – убеждал министра папа, придерживая колбасу за хвост, чтобы не мешала разговору. – Гармония, понимаете? Есть такое слово: «буквально» – точное соответствие.

Но министр не понимал. Он вытащил из кармана свою мину. Кислую-кислую. Натянул её на лицо и приготовился взрывать нашу школу.

Милена покачала головой и сказала:

– Что внутри, то и снаружи. Раз! Два!..

– Ах, Милена Зоревна, – заволновался директор, – только не при детях!

– Ничё, я уберу, – разрешила тётя Надя.

И в других классах тоже закричали. А тот пятиклассник, Настин знакомый в тёмных очках и с выбитым зубом, свистнул, снял очки и поглядел на бульдозер. Бульдозер развернулся и поехал домой. Завхоз собрал совком в ведро то, что представлял собой министр.

– Допотреблялся, – сказал Рафат, помогая Михаилу Ивановичу тащить ведро к мусорке. А там их ждал мой знакомый в мятой шляпе.

– Это тоже пригодится, –
кивнул он, – на удобрение.
В следующий раз лучше
будет.

На нашем дереве созрели плоды. Они были разные: и хурма, и яблоки, и апельсины с грушами, и ещё много-много других. Мы собрали их и унесли на кухню, варить компот. А семена положили в конверт и отправили Марье Ивановне. Пусть другим ребятам раздаст.

Всё было тихо и спокойно. Но если знаешь, что наша Земля летит вокруг Солнца со скоростью 30 километров в секунду, а вся Солнечная система вертится вокруг центра нашей Галактики – Млечного Пути, то голова начинает слегка кружиться.

– Слово «время» означает «вертеть», – голос учительницы прозвучал откуда-то издалека, словно она сидела не на соседнем стуле, а на соседней звезде.

Наши стулья взлетели и начали вертеться. Поворачиваясь лицом к окну, я успевала заметить, что всё вертелось, издавая тихий звук: вр-р-р, вр-р-р. Время наматывалось, как нитка на веретено, – я видела в сказке про Спящую красавицу. У каждого была своя ниточка. И директор школы вертелся. Его шёлковая борода развевалась. И завуч, придерживая очки, вертелась. Папа и бродяга с игрушками. Марья Ивановна с мужем-путешественником. Где-то в углу Вселенной вертелась новая звезда – то самое лишнее солнце, сбитое тряпочкой. Вон она куда закатилась!

Нити времени сходились и расходились, и получались разные узоры. Очень красивые узоры.

– Сегодня будем учить букву У, – сказала Милена, и мы плавно приземлились.

Буквы кириллицы X-XI века

Ѧѧ БѢ ВѢ ГГ ДД ЕЕ ЖЖ СС

Азь Буки Вѣди Глаголи Добро Есть Живѣте Зѣло
а б в г д е, ё ж з

Зз Ии Іі Кк Ѧѧ Мм Нн Оо

Земля Ижеи Ижэ Како Люди Мыслите Нашь Онъ
з б — к л м н о

Пп Рр Сс Тт УуѸ Фф Хх Ѡѡ

Покой Рьци Слово Твердо Оукъ Фьрть Хьрь Отъ (Омега)
п р с т у ф х —

Цц Чч Шш Щщ Ъъ Ыы Ьь

Ци Червь Ша Шта Ерь Еры Ерь
ц ч ш щ ъ ы ь

Ѹѹ Юю Ѧѧ Іюкѧ Ѧѧ Іюкѧ

Ять — Йотированная Йотированная Юсь Йотированный
а е малый Юсь
— ю я — я —

Ѹѹ Іюкѧ Іюкѧ Зз Пси Фита Ижица

Юсь Йотированный Кси Пси Фита Ижица
большой большой юсь

— — — — —

Система счисления в Древней Руси

ā	ķ	ģ	đ	ē	š	ž	ñ	
1	2	3	4	5	6	7	8	
ō	ī	āī	ķī	ģī	đī	ēī	šī	
9	10	11	12	13	14	15	16	
zī	ñī	ōī	ķ	ā	ā	ñ	ž	
17	18	19	20	30	40	50	60	
ō	ā	č	ř	č	ť	ý	φ	χ
70	80	90	100	200	300	400	500	600
ψ	ω	ц						
700	800	900						

